

А. Н. Метафизик–Аверкин

ЧТО ДЕЛАТЬ КАК ДЕЛАТЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Кто мы. Зачем мы.....	2
Экклезия.....	10
Артельный коммунизм.....	20
О метафизике.....	29
Об экономике.....	40
Мы и они.....	56

UtopiaUltima.narod.ru

*Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой!*

Кто мы. Зачем мы.

Русский народ — это нечто удивительное, он радикально отличается от всех других народов, обитающих на земле. Русские являются единственным, надо думать, крупным этносом, к которому не применим термин нация. Метафизическим фундаментом обычного государства является национализм, если понимать под этим восходящее к патриархальному общежителю чувство крови, соответствующие бессознательные инстинкты—архетипы. Политический же менталитет русских зиждется на принципиально других, не свойственных остальным народам архетипах. В этом смысле русские образуют не нацию, но некий коллектив, существующий ради претворения некоей цели, которая лежит за пределами обыденной жизни; русских следует называть не нацией, но народом—мессией или *идейном*¹. Это то, что враги русского народа презрительно называют *совком*. Смутно проявленная в сознании людей идея, ради осуществления которой русские создали великую идеократическую империю, не имеющую ничего общего с национальным государством, мы называем *Русской Идеей*.

Духовную особенность русского этноса нужно видеть в его истории. Он зародился в лоне Золотой орды, в состав которой северо—восточные княжества Киевской Руси вошли, в сущности, добровольно. Можно сказать, что матерью нашего народа была земледельческая Русь, а отцом — бескрайняя евразийская степь; осыятил же этот союз гений Александра Невского, за что он и был причислен к пантеону святых. Надо думать, что именно от степных кочевников мы усвоили отличающую нас духовность.

---

¹ От греческих *idea* и *iōn*, т. е. идущий.

Глубина пропасти, разделяющей менталитеты кочевников—скотоводов и пахарей, неизгладима, поскольку зародилась она на заре неолита, и в основе ее лежит разница между средствами, обеспечивающими жизнь соответствующих этносов. В отличие от эгоистичных земледельцев, которые могут уживаться друг с другом только под ярмом закона, кочевники не нуждаются в государстве. В отсутствие борьбы за жизнеобеспечивающие ресурсы кочевники живут в состоянии буколической анархии, и бесконфликтность их взаимоотношений регулируются неписанным моральным кодексом — достаточно вспомнить, например, не имеющее пределов их гостеприимство — и обостренным чувством справедливости. Эти черты номадического характера вполне усвоили русские.

В кочевнической душе присутствует, однако, некий мобилизационный архетипический комплекс, который можно назвать *ордынским*. Если перед кочевниками возникает какая-либо объединяющая их цель, то они организуются в *орду* — некое квазигосударственное образование, служащее исключительно для достижения этой цели. Целеустремленность орды определяет ее социальное устройство. В ней отсутствуют какая-либо этническая или религиозная ксенофобия — это коллектив, формируемой более насущной идеологией. Нет в орде и классового деления — в иерархическом ее устройстве каждый занимает место в соответствии с приносимой им пользой общему делу. Не удивительно, что в великой орде, созданной Чингисханом, были гениальные полководцы.

Ордынский бессознательный комплекс носит тоталитаристский характер. Идея, формирующая орду, персонифицируется личностью *хана*. Хан не в коей мере не является монархом в европейском смысле этого слова — это вождь, ведущий орду к ее цели. Ордынцы беззаветно и самоотверженно служат своему хану, обожествляя, в сущности, эту персону. Внешняя и понятная всем ордынцам цель Чингисхановой орды заключалась в беспрекословном

подчинении всей ойкумены воле этого хана. В сущности же, эта цель носила мессианский характер — установление нового мирового порядка, в котором все народы мира образовывали бы единую вселенскую орду. Вполне понятно, что проект этот иррационален, поскольку в случае утраты цели, связанной с ее достижением, орда, не способная трансформироваться в устойчивое и самодостаточное государство, быстро деградирует.

Надо полагать, что во все время существования Золотой орды Русь ощущала себя ее составной частью, неким тягловым ее улусом. Характерно, что в Куликовской битве Русь участвовала как верный союзник законного хана Золотой Орды, и она не проявила никакого стремления к независимости, что было ей вполне по силам. В XV веке Золотая Орда распалась на несколько независимых ханств. Показательно при этом, что Русь была последним улусом, обретшим независимость от центрального золотоордынского улуса, утратившего к тому времени какой-либо авторитет и военную силу. Вскоре после исчезновения Золотой Орды между ее осколками началась борьба за ее наследство. Основными претендентами на создание новой великой орды выступили Московская Русь и Крымское ханство. Победа в этой борьбе досталась Ивану Грозному, в середине XVI присоединившему к своему государству Казанское и Астраханское ханства. Легкость, с которой это произошло, говорит о том, что население этих ханств почувствовало в Иване IV вождя новой великой орды.

Вполне естественно, что Иван IV строил свое государство по ордынской парадигме. Однако для этого ему пришлось совершить в своем государстве революционное преобразование, уничтожившее возможность России идти по проторенному Европой пути. Мы можем увидеть в опричнине «завоевателей», создающих новую орду. При этом земщину, возглавляемую «царем» Симеоном Бекбулатовичем, следует уподобить тягловому улусу этой орды. По-видимому правы и те исследователи, которые видят в дея-

тельности Ивана Грозного проявление его эсхатологических чувствований, стремление приуготовить Русь к ожидаемому со дня на день Светопреставлению. Это подтверждается тем, орден опричников имел вполне явный религиозный характер — это выражалось в том, например, что все опричники были воинствующими монахами. Сущность же религиозного фанатизма опричников проистекала из того, что орда ощущалась ими как богоугодное государственное устройство.

Именно Ивана Васильевича мы должны считать создателем неповторимой российской государственности — в какие одежды она не рядилась бы, в ее основу навсегда впечатана ордынская парадигма. Единственным смыслом существования России является реализация Русской идеи. Этот бессознательный комплекс народной души не содержит конкретного содержания — он просто гласит, что русские существуют для того, чтобы преобразовать мир на основе всеобщей справедливости. (Русская идея, в этом смысле, не отличается от монгольской идеи.) Русская идея проникает в сознание людей исключительно как Проект: нет проекта — нет России. Россия лишь потому просуществовала от Ивана Грозного до Февральской революции, что ее «проект» носил религиозно-ожидательный характер, это вера в то, что он прояснится в конце истории.

Поскольку в основе русского менталитета лежит ордынский комплекс, то вполне естественно, что русские бюогорвоят государственную власть, желая видеть в ней своего вождя. В отличие от всех других народов для русских на первом месте стоят не личные интересы, но стремление служить своему государству-вождю. Это определяет особенность исторического пути России. Если на Западе стимулы социального движения складываются из эгоистических по своей природе интересов граждан, то в России «народ безмолвствует», и все социальные преобразования диктуются государством, являясь, как правило, ответом на внешние угрозы его существованию.

Однако русский народ верно служит своему государству, лишь пока он верит, что государство является народным и служит Русской идее. Крепостное право, бытовавшее в России, не имеет ничего общего с европейским феодализмом — это естественное устройство орды, государства–войска. Дворяне являются его офицерами, а крестьяне суть рядовое тягло, обеспечивающее их всем необходимым для государственного служения. Ордынская гармония была нарушена Манифестом Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». На это Московская Русь ответила Петербургской России кровавым и беспощадным Пугачевским восстанием. На столыпинское же реформирование — теперь уже не феодальное, но буржуазное — народ ответил новой уже победоносной пугачевщиной, имя которой — Гражданская война. Для европейского менталитета должно казаться удивительным, что русское крестьянство, в своей массе, требовало не раздела помещичьей земли, но ее национализации. Именно эту волю народа и осуществила Советская власть своим Вторым декретом, упразднив частную собственность на землю.

Русская идея незримо находится за ширмой менталитета великороссов и комплиментарных ему народов, этой идее причастившихся, — именно она определяет все его удивительные особенности. Понять возникновение в народной душе соответствующего архетипа невозможно, оставаясь при материалистическом мировоззрении. Говоря языком религиозным, наличие в наших душах мессианского зова есть результат деятельности Святого Духа. В метафизическом же смысле Русская идея является императивным посланием того активного информационного пространства, которое в русской традиции называется Космосом, а в западной — Астралом. Астрал общается с нашими душами на чуждом нам языке и в нем присутствуют понятия нам неизвестные, поэтому его желаниям весьма не просто пробиться в сознание — в нем возникают лишь более или менее близкие ассоциации к информационной сущности ас-

тральных посланий. Русские визионеры–хилиасты до некоторой степени прояснили смысл Русской идеи. Согласно их представлениям русский народ — это народ–богоносец, ему доверено хранить сокровенное знание, которое в конце текущей главы истории озарит мир, и в нем воцарится Высшая справедливость. До той же поры Святая Русь должна существовать как Катехон, сторож божественного откровения.

К началу XX века Идея, скрепляющая великую идеократическую империю, утратила свою власть над народным сознанием. Царь окончательно перестал восприниматься как вождь, и его обожествление сменилось презрением к нему. Утрата катехического патриотизма в полной мере проявилась в поведении русских солдат на фронтах Мировой войны. Гибель Империи могло предотвратить только новое прочтение Русской идеи, и Провидение позаботилось об этом — большевики интерпретировали Русскую идею, воспользовавшись марксистским словарем. Интерпретация эта оказалась настолько близкой к сакральному тексту Русской идеи, что в народном сознании она навсегда обрела название Коммунизма. Безотчетная, обусловленная ордынскими инстинктами вера в то, что Вождю ведом путь к коммунизму, подвигла российский народ–идейон на невиданный в своем самопожертвовании труд на фронтах индустриализации и Отечественной войны. Жизнь, однако, показала, что Рулевой не знает пути к Коммунизму, не описан этот маршрут и в марксистских прописях. Наш паровоз, летящий в Коммуну, остановился на полустанке под названием Реальный социализм.

Надо полагать, что Сталин лучше других понимал, что созданное им социалистическое государство, будучи необходимым сооружением при строительстве коммунизма, рано или поздно потребует революционной перестройки. Об этом говорит его кажущееся странным пророчество о том, что «по мере приближения к коммунизму классовая борьба будет возрастать». Можно не сомневаться, что Сталину виделась борьба между пролетариатом и утерявшим свое

предназначение классом государственной бюрократии, — особенность исторического пути России заключается в том, что в ней статусом класса–гегемона не обладали ни феодалы, ни капиталисты, но именно государственное чиновничество. Все, что большевики–сталинцы могли соорудить из имеющегося в их распоряжении человеческого материала, это воссоздать государственную матрицу, впечатанную в сознание русского народа Иваном Грозным — Сталин почти сознательно чувствовал себя продолжателем его деятельности. Согласно этой матрице все средства производства должны принадлежать царю–самодержцу, а народ должен верно служить ему, видя в нем своего вождя, ведущего народ к цели, являющейся смыслом существования народа–идейона. От этой схемы один шаг до превращения государства в социальную химеру¹ — когда вожди утрачивают народную цель, они заменяют ее своими эгоистическими целями.

Ходят слухи, что Сталин в конце своей жизни задумывался о перестройке Советского государства, смысл которой заключался в том, чтобы каким–либо образом укрепить экономическую жизнь страны, оставив за партией лишь идеологическое и политическое руководство. Возможно, что в условиях российского мессианского менталитета мы не потеряли бы при этом коммунистического ориентира, не в пример тому, как это, по–видимому, произошло в Китае. Так или иначе, но совершить перестройку вызвался лишь безрассудный Горбачев. История, надо думать, запомнит его как предателя Коммунистической идеи. Очень слабым оправданием является его очевидное непонимание того, что войти в так называемое мировое сообщество Россия может только в виде трупа.

Контрреволюционный номенклатурный переворот, завершивший Горбачевскую перестройку, вверг Россию в состояние анархии — на руинах России стали править бал разного рода мафиозные группировки, из которых ельцин-

---

¹ В смысле Л. Гумилева

ская была лишь крупнейшей. Неизбежный, казалось бы, распад страны на мафиозные владения приостановил клан Путина — расправившись с ЮКОСом, он показал, кто в стране хозяин. Власть этого клана приобрела подобие легитимности, поскольку в стране воссоздалось естественное для России государственное устройство: разного рода предприниматели это, в сущности, современные помещики, обязанные служить государству, народу же отводится привычная для него роль государственного тягла. Однако эта легитимность является лишь видимостью. В современных условиях государственное устройство обязано иметь демократический облик, поэтому бюрократия, как бы она этого ни желала, не может вернуться к советской системе, повестав предпринимателей в государственное чиновничество. Нынешняя бюрократия является неискоренимо преступной, поскольку воссозданная ею система кормления называется коррупцией. В ельцинские лихие годы великая экономика, созданная трудом советского народа, была уничтожена, превратившись в банковские счета грабителей, — осталось только то, что невозможно было продать на Запад. Это сделало Россию сырьевым придатком западных индустрий. Высокие цены на сырье — углеводороды, прежде всего, — позволяют содержать тягловое стадо в приемлемом для него состоянии. Что будет с «великой энергетической державой» при падении соответствующих цен, одному Богу ведомо. Путинская «властная вертикаль» лишь форма идеократии, лишенная содержания. Сам Путин является всего лишь вожаком—назначенцем хищной бюрократической стаи, и, как бы он ни рисовал себе будущность России, хозяином стаи и новым Сталиным ему не быть.

Мы живем в эпоху, когда состояние Западной цивилизации, называемое *модерном*, исчерпало заложенные в него потенции. Мир переходит с состояние *постмодерна*, который рисуется как некое глобальное кастовое мироустройство. Такое состояние человечества может быть бесконфликтным, если только в нем отсутствует самое поня-

тие справедливости. Именно таким свойством обладает все шире распространяющееся по миру постмодернистское состояние сознания людей. С христианской точки зрения постмодерн — это абсолютная *апостасия*, полный отрыв сознания от идеального. В контексте учения Гумилева человечество сейчас вступило в историческую фазу *субпассионарного надлома*, смысл которой заключается в его переходе в *реликтовое состояние*. Финал постмодернистского движения — это мир, в котором полностью отсутствует творчество и, следовательно, он будет населен людьми-роботами, функционирующими по раз и навсегда заданной программе. Следует понимать, что мозг человека — это всего лишь мертвый биологический компьютер, не способный, сам по себе, создать какую-либо новую, не содержащуюся в его памяти информацию. Эволюцию же человечества и, вообще, живого обуславливают исключительно творческие прозрения, не доступные никакому компьютеру. Надо верить, что Астрал создавал человечество не для того, чтобы оно застыло в состоянии механической смерти.

Сейчас в преддверии конца истории настало время проверки истинности пророчеств о предназначении России. Выход из гробницы, порог которой уже переступила Россия, может быть только один — прояснить Русскую идею до состояния Русского проекта, и как можно быстрее приступить к его воплощению. Да поможет нам Бог!

Экклезия

Фундаментальным положением классического марксизма является то, что коммунизм начинается с установления государственной власти в форме *диктатуры пролетариата*. Фигурирующее здесь слово «диктатура» воспринимается, как правило, в его обыденно негативном смысле — этому способствует то обстоятельство, что в Советском Союзе под диктатурой пролетариата понималась диктатура бюрократии, не имеющей ничего общего с марксистским смыс-

лом этого термина. На самом деле этот марксистский термин означает некое государственное устройство, своей демократичностью неизмеримо превосходящее все известное людям. Вот что писал по этому поводу Ленин¹. «Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства в нечто такое, что уже не есть собственно государство». Сущность диктатуры пролетариата заключается в том, что при такой «государственной машине» *никакое* меньшинство не может диктовать свою волю большинству. Отсюда следует, что, поскольку эксплуатирующие классы — будь то класс феодалов, буржуазии или государственной бюрократии — всегда представляет меньшинство населения, в условиях диктатуры пролетариата невозможно существование антагонистических классов.

«Мыслимая» конкретика диктатуры пролетариата на деле оказалась немислимой — в результате Маркс оказался ее предугадывать, объявив диктатуру пролетариата продуктом творчества революционных масс. Согласно этому положению, то действительно очень демократичное государственное устройство, что породило «творчество масс» во время Парижской коммуны, было объявлено формой диктатуры пролетариата. Важнейшими чертой диктатуры пролетариата считалось то, о чем Ленин пишет несколько ниже приведенной цитаты: «Полная выборность, сменяемость *в любое время* (выделено Лениным) всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалования к обычной «заработной плате рабочего»». Оба эти положения, вошедшие в то творчество масс, что представляла собой Советская власть, оказались мертворожденными, в условиях тогдашней России, во всяком случае, — сме-

---

¹ Государство и революция, в разделе «Чем заменить разбитую государственную машину?».

няемость представителей власти осталась лишь строкой конституции, а партмаксимум, введенный в 1920-м году и никогда не мешавший бюрократии жиреть, был стыдливо отменен на закрытом заседании Политбюро в 1932-м. В настоящее время пролетариат, в классическом смысле этого слова, не представляет собой большинства в экономически развитых странах, и диктатуру пролетариата следует понимать как *гегемонию большинства*. В традиционном толковании Русской идеи воцарение общества высшей справедливости связывается с установлением так называемой *соборной власти*. Чтобы ни подразумевалось под этим, соборная власть не может быть ничем иным как гегемонией большинства, ибо «глас народа — глас божий».

Исторический опыт учит, что никакая форма представительной демократии, в которой людям предоставляется возможность лишь несколько раз в жизни проявить свою политическую волю, не может обеспечить гегемонию народного большинства. Осуществить это способна лишь прямая демократия, при которой граждане голосуют не за лиц, которым доверено чинить законодательство, но непосредственно за законы. Собор — это самая естественная форма самоуправления коллектива. В общине это — деревенский сход; на полисном уровне он был представлен, например, новгородским вечем, римским плебисцитом, афинской экклезией. Соборная власть, однако, предполагает территориальную компактность коллектива, и чем пространнее государство, тем труднее она осуществима. Именно пространственный рост античных республик был причиной кризиса соборного народовластия и возникновения эллинистических монархий и императорского Рима. Что касается современного парламентаризма, функционирование которого почти не зависит от размеров государств, то его становление связано с ростом классового самосознания буржуазии.

Есть нечто провиденциальное, что именно сейчас, в преддверии постмодернистского конца истории, возникли технические предпосылки установления прямой демократии в

государственных масштабах — интернет превратил мир в «большую деревню». Проблема состоит лишь в том, чтобы разработать процедуры, которые позволяли бы функционировать соборной власти с оперативностью не меньшей, как минимум, таковой власти представительной. Демократия — это, в узком смысле, набор процедур, обеспечивающих формирование и функционирование представительной власти. Для того же чтобы реализовать прямую демократию требуются процедуры другого рода — назовем их *эврикратическими*¹.

Представляется, что в основе эврикратии должны лежать два принципа. Во-первых, это *непрерывность голосования*. Каждый гражданин, обладающий соответствующим правом и желанием принять участие в управлении государством, в любой момент может, используя домашний компьютер или какое-либо мобильное средство связи, забрать свой голос у того или иного члена законодательного собрания или соответствующего кандидата и передать его любому другому парламентарию или кандидату. Собрание же это формируется из определенного числа кандидатов, набравших наибольшее число голосов. Эти принципы доводят до логической завершенности процедуру отзыва депутатов законодательного органа власти. Однако сами по себе эти положения не выводят демократию за рамки представительной — это обеспечивает следующее положение. При голосовании по какому-либо законопроекту голоса законодатель должны обладать *разным весом*, весом равным числу избирателей, высказавшихся в пользу того или иного парламентария. Только в этом случае законотворческий процесс будет определяться не личностью депутата, но числом избирателей, разделяющих идеи, им всего лишь озвученные.

Было бы большим для России несчастьем, если бы уже сейчас в результате некоего революционного акта у нас была установлена эврикратическая форма законодательной власти. Сейчас слишком большое число наших сограждан

---

¹ От греческого *eurys* — широкий

утратило связь своего менталитета с идеальным. В условиях духовного одичания эврикратия приняла бы облик охлократической анархии — в худшем ее варианте толпы, ведомые фанатичными демагогами, принялись бы «законным образом» расправляться с ненавистными меньшинствами. По своим жертвам эврикратическая революция обещает обогнать и Якобинскую и Большевицкую революции. Отсюда следует, что движение коммунистов–эврикрататов должно быть, прежде всего, идеологическим и не помышлять о государственной власти до тех пор, пока большинство народа твердо не усвоит христианскую, в своей сущности, заповедь «непротивления злу насилием». Надо при этом отличать, конечно, зло, причиненное личности, от зла социального.

* * *

В этом смысле должно быть вполне понятно, что эврикратическое движение не может быть политической партией в современном смысле этого слова. История Европы учит, что каждая новая общественно–экономическая формация зачиналась возникновением новой религии — христианство, сделавшее невозможным рабовладение, обеспечило становление феодализма, а капитализм восторжествовал только после протестантской трансформации этой религии. Показательно то, что раннее христианство, как религия низов античного общества, было, в социальном отношении, учением коммунистическим — в «Деяния Апостолов», например, утверждается, что при вступлении в христианскую общину происходило обобществление имущества неопитов. Позже коммунистические устремления христианства нашли свое отражение в хилиастической убежденности очень многих отцов церкви — вся патристика пронизана соответствующими ожиданиями. Коммунистические устремления менее характерны для индивидуалистических протестантских конфессий, но и здесь эпоха реформации породила известные революционные движения коммунистического толка (анабаптисты, Мюнцер и др.). Все это свиде-

тельствует о том, что коммунистическая формация может возникнуть не как результат захвата власти какой-либо партией, проповедующей коммунистические идеалы, но обязательно как некая «светская религия», оформившаяся в соответствующую церковь, которую можно назвать *экклезией*.

Для нас очень важным является то обстоятельство, что внутренняя организация любой церкви, коль скоро она отделена от государства и не оформляет государственной религии, с необходимостью обладает существеннейшей чертой коммунистического общежития. Теория управления социальными системами — это, так сказать, «гуманитарный» раздел кибернетики — знает всего лишь три метода управления — это *принуждение*, *побуждение* и *убеждение*. Каждый из этих способов редко встречается в изолированном виде, но при феодализме на первом месте стоит принуждение, а при капитализме — побуждение. Руководство посредством побуждения является более совершенным, по сравнению с принудительным, поскольку при этом существует обратная связь между побуждающим и побуждаемым, что позволяет избежать многих ошибок и конфликтов, свойственных руководству принуждением. Результат побудительного управления носит, как правило, компромиссный характер. Марксизм учит, что при развитом коммунизме будет отсутствовать государство с его неизбежно принудительной функцией. Но анархия только тогда будет «матерью порядка», когда в ней царит управление убеждением. Именно церковь, не обладающая какими-либо силовыми органами, являет образец политической структуры, основанной исключительно на убеждении. Необходимым условием существования ненасильственной государственности является непоколебимая вера его граждан в высший смысл существования их государства — это как раз то, что отличает русский народ-идейон. Не подлежащим обсуждению символом веры нашего большинства является коммунизм, его торжество сначала в России, а затем и во всем мире.

Агора — это площадь, на которой граждане Эллады

изъявляли свою волю эврикратическим образом. Сейчас такая площадь может располагаться только во всемирной информационной сети, сближающей людей в мере достаточной для существования эврикратии в стране любого размера. Агора являлась одновременно и торговой площадью — это подсказывает, что новейшую эврикратию можно представить себе (с ноткой шутливости) в виде торговли таким специфическим товаром, как идеи. Допустим, что каждый *агорянин* обладает кошельком, в котором в равном для всех количестве хранятся его политические деньги — скажем, один «талант», содержащий в себе, например, сто *лепт*. Лепты — это, в сущности, его избирательные бюллетени; их должно быть достаточно много в соответствии с разнообразием предлагаемого идеологического товара. С другой стороны, каждый гражданин, обладающий соответствующими способностями и призванием, может стать продавцом своего творческого продукта, которому можно присвоить термин *поэма*¹. «Поэтов» может быть очень много, но на ограниченной агорной доске объявлений могут разместиться лишь продавцы, наторговавшие некий заранее определенный минимум лепт. Там же должны быть указаны адрес лавки, где тот или иной поэт рекламирует и продает свои поэмы и его текущий счет. Назовем таких удачливых поэтов *экклезиастами*². То же определенное число экклезиастов, что могут похвалиться наибольшим политическим капиталом, получают статус *экклезиархов* — они образуют законодательный орган агоры, который мы назовем *экклезионом*. В соответствии с принципами эврикратии в экклезионе голосуют не экклезиархи, но сами агоряне своими лептами. Важно, чтобы каждый агорянин мог в любой момент проверить содержимое своего и только своего кошелька, чтобы вспомнить, как были потрачены его лепты и сколько их еще осталось.

---

¹ по-гречески поэзис *poiisis* означает творчество. Соответственно этому *poiētēs* — творец, а *poiēma* — продукт творчества.

² *ekklēsiastos* — проповедник, оратор в Афинской экклезии.

Агоряне, разочаровавшиеся в какой-либо поэме, имеют право вернуть любому поэту его творение как некий дефектный товар и вернуть себе свои лепты. Понятно, что все голосования в экклезионе должны проходить открыто, и соответствующие отчеты храниться в архиве экклезии.

Экклезион является душой агоры, но чтобы привести ее в движение ей требуется некий исполнительный орган, в определенной мере соответствующий кабинету министров в демократических государствах. Назовем этот формируемый экклезионом орган *синодом*¹. Различные же департаменты синода мы будем называть *епархиями*², а их руководителей — *епархами*. Экклезию можно рассматривать как получившее организационную структуру гражданское общество. Возникновение церковной организации этого общества является естественным для народа, чувствующего цель своего существования — не важно, находится эта цель на Небе или на Земле. В этом смысле епархиям синода соответствуют многочисленные направления деятельности гражданского общества — перечислять их утомительно. Но синод должен обладать и специфическими для него епархиями, более или менее подобными различным министерствам демократических государств. Среди наиболее важных епархий такого рода можно назвать следующие. Во-первых, это епархия внутренних дел экклезии — она занимается поддержанием виртуальной агоры в рабочем состоянии, предоставляет желающим агорное гражданство, предотвращает возможные фальсификации выборного процесса. Что касается епархии иностранных дел, то местом ее деятельности должен быть Эврикратический интернационал. Еще одной важной епархией должно стать казначейство — оно находит источники бюджета экклезии, и распоряжается им, в соответствии с указаниями экклезиархов. Бюджет экклезии не может быть непосильно большим, поскольку ее власть явля-

---

¹ *sunodos* — собрание, консилиум.

² *eparchia* — сфера управления и юрисдикции.

ется исключительно духовной, и ей не требуется поощрять людей материально. Среди возможных епархий можно назвать еще епархии народной милиции и инквизиции. Первая организует работу народных дружин, которые в контакте с государственной полицией занимаются искоренением преступности, а дело второй — это расследование и предание гласности скрытых механизмов функционирования авторитарного государства, надевшего маску «суверенной демократии», таких как неизбежные коррупция и насилие над демократическими процедурами. Важнейшей же епархией следует считать епархию экономики — ее цель организация народного хозяйства на коммунистических принципах. История учит, что новый экономический уклад *всегда* рождается в условиях господства старого, а изменения государственной надстройки только следуют за изменениями экономического базиса. Что касается революционной трансформации государственной власти, то она лишь венчает триумф нового экономического уклада. Сверхреволюционный утопизм марксизма проистекает как раз из того обстоятельства, что пролетариат не сумел создать своей экономики, способной вытеснить капиталистический способ производства на периферию экономического пространства. Это, однако, тема, требующая для своего рассмотрения отдельного параграфа. Отметим лишь, что церковная экономика, представленная монастырскими производствами, играла в свое время видную роль в экономическом базисе России. Как бы ни были деформированы его принципы бюрократизмом, этот экономический уклад сохранял свои коммунистические черты, главная из которых есть коллективный труд, использующий обобществленные средства производства. В такой большой стране, как Россия, эврикратическая власть обязана члениться на еkkлeзии различного регионального уровня. Федеративное устройство еkkлeзиальной власти означает, что региональные еkkлeзии свободны в своем творчестве, коль скоро оно не противоречит решениям вышестоящих еkkлeзий. Это предполагает введение некоего «ценза оседлости»

— агоряне не должны менять свои «приходы» сколь угодно часто. Экклезиальное членение страны не обязано повторять ее существующее административно–территориальное деление страны — все должна определять интенсивность экономических связей населения. Автор уже устал от словотворчества, и поэтому вопрос о названиях разного уровня экклезиальных территорий он оставляет открытым.

Экклезию никак не следует считать политической партией некоего «сверхнового типа» — она не должна ставить своей непосредственной задачей замену существующей государственной власти эврикратической. Это, конечно, не означает, что агоряне должны быть равнодушными по отношению к политическим процессам, происходящим в стране. Учреждение экклезиализма означает установление в стране на неопределенный срок двоевластного, *биархического* общественно–политического строя. С течением времени, по мере совершенствования эврикратических структур и распространения среди народа коммунистических морально–этических норм все большее число функций государственной власти будет подпадать под юрисдикцию власти экклезиальной. Это вполне соответствует тому положению марксизма, что по мере развития коммунистического уклада государственная власть будет отмирать. Для того чтобы экклезиальная и государственная власти сосуществовали в безоблачном, *симфоническом* единстве требуется предельно демократичное и социалистичное устройство последней, максимально возможное в рамках демократических процедур приближения демократии к гегемонии большинства. Это задача политических партий, исповедующих коммунистические идеи. Для зарождения экклезиализма требуется совсем не много его апостолов, т. е. людей, нашедших смысл своей жизни в претворении коммунистического прочтения Русской идеи, в открытии новой зона земной жизни. Если пользоваться терминологией Гумилева, то эти энтузиасты образуют *консорцию*, которой предопределено развиваться в советский суперэтнос, залогом чего является

резонанс коммунистических идей с архетипами нашей народной души. Экклезия — это земная, хилиастическая церковь, и вход в нее открыт всем — и верующим любых конфессий, и атеистам, и людям мировоззренчески равнодушным. Не уютно себя будут чувствовать там разве что материалисты — не столько догматические, сколько бытовые.

Артельный коммунизм

Первейшей задачей еkkлезиальной власти должно стать создание коммунистической экономики, призванной вытеснить капитализм с его позиции основного экономического уклада в промышленно развитых странах. Вполне понятно, что грядущая экономика России не может строиться на командно-административных принципах — это мы уже проходили. Как ни пыталась ультраимпериалистическая экономика Советского Союза прикрыться идеологическим зомбированием трудящихся масс, ее антинародная сущность стала, в конце концов, настолько очевидной, что произошло неизбежное. Надо ли говорить о том, что эврикратическое устройство еkkлезии не обладает никакими возможностями загнать трудящихся в госплановское стойло. В начале XX века в коммунистическом движении достаточно громко звучала анархо-синдикалистская альтернатива узурпации всех средства производства государством. В настоящее же время анархо-синдикализм «уважать себя заставил», чему есть много причин, не последней из которых является неспособность демократически управляемых коммун противостоять их бюрократизации.

Для того чтобы лучше ощутить естественность предполагаемого устройства народной экономики, желательно понять сущность капитализма на его фундаментальном, так сказать, «кибернетическом» уровне. В основе классового деления буржуазного общества лежит положительная обратная связь между количеством капитала и скоростью его накопления — это отражено в присловье «день-

ги к деньгам». Мировая экономика представляет собой гигантское «казино», где ведется азартная игра, в которой, так или иначе, но участвует все население. Как и в любой азартной игре, здесь — при прочих равных условиях — больше шансов выиграть во время очередного хода у того, у кого больше денег. Положительная обратная связь, сама по себе, всегда ведет к катастрофе, сопровождающейся возникновением новых правил игры — «лузеры», например, могут экспроприировать выигрыш «виннеров».

При империализме экономическая игра зашла так далеко, что сама капиталистическая общественно-экономическая формации стала казаться отслужившей свой срок. Спасение ее пришло со стороны государства, активно вступившего в игру, — оно стало лечить экономику контрлиберальными, социалистическими, в своей сущности, припарками. Среди используемых государством рецептов можно указать суровое прогрессивное налогообложение, позволяющее сгладить социальные конфликты, и антимонопольное законодательство, устраняющее вопиющие проявления монополизма. Империалистическая структура современного капитализма сохраняется лишь благодаря кейнсианским прописям, давшим государству финансовый рычаг регулирования скорости капиталистического накопления, — это потребовало, однако, отказа от «золотого стандарта» в пользу печатного станка.

Вмешательство государства в экономику является неизбежным в силу того, что при капиталистическом экономическом укладе совершенно отсутствуют механизмы автоматического регулирования. Такое вмешательство, осуществляемое каким-либо субъектом, часто называют *ручным*. Символический образ здесь таков: до изобретения Уаттом центробежного регулятора катастрофическое поведение паровой машины предотвращал мальчик, вручную регулировавший ту заслонку, что отделяет котел машины от ее цилиндров. Общий принцип автоматического регулирования заключается в следующем: по мере роста интере-

сующего нас параметра скорость его возрастания должна уменьшаться, что соответствует уменьшению коэффициента обратной связи. При обращении этого коэффициента в нуль прекращается и рост регулируемой функции. Если по каким-либо причинам значение этой функции превысит заранее установленную величину, то обратная связь станет отрицательной. На языке экономики это означает, что принцип «деньги к деньгам» заменится принципом «деньги от денег». Значение регулируемой функции будет при этом колебаться около равновесного уровня, и размах этих колебаний — они называются *релаксационными* — зависит от совершенства механизмов обратной связи.

Умозрительно встроить в экономику механизм автоматического регулирования очень просто. Прогрессивный налог на прибыль действительно уменьшает скорость капиталистического накопления, поскольку он уменьшает соответствующий коэффициент обратной связи. Такое налогообложение, однако, не может обратить этот коэффициент в нуль (для этого потребовалось бы изымать весь капиталистический доход), и, следовательно, оно не препятствует неограниченному росту богатства капиталиста. Идеальным антимонопольным мероприятием было бы учреждение не подоходного, но *прогрессивного* налога на сам капитал, находящийся во владении того или иного человека. Функциональная зависимость взимаемого налога от величины индивидуального капитала определяется допустимой обществом величиной капиталистического накопления — она должна быть такой, чтобы по ее достижению уплачиваемый налог превосходил приносимую этим капиталом прибыль.

Должно быть понятно, что если желаемая величина находящегося в частной собственности капитала будет такова, что ее можно заработать за несколько лет честного труда, то с капитализмом будет покончено, и возникнет бесклассовая структура общества. Проблема состоит лишь в том, кто и как будет измерять богатство людей, и устанавливать приемлемую для коммунизма величину этого

богатства. Задача радикально облегчается тем, что ограничению достаточно подвергнуть не любое богатство, но лишь таковое в виде средств производства.

Объективно оценить стоимость средств производства может только рынок, и такой рынок давно уже существует под названием фондовой биржи. К настоящему времени, капитализм перешел в свою «еще более окончательную» фазу, которую можно назвать *спекулятивным империализмом* — сейчас средства производства практически всех крупных монополий обрели форму товара, торгуемого на биржах. Можно сказать, что в настоящее время капитализм вернулся, в определенном смысле, к своей первоначальной форме, к капитализму торговому. При торговом капитализме механизм обратной связи, приводящий к концентрации богатства, имеет ту четкую форму, которая называется *спекуляция* — торговец покупает на рынке товар не для личного потребления, но для последующей его перепродажи. Когда купец скупает товар с целью создания его дефицита, товар перестает быть таковым, превращаясь в *спекулятивную собственность* монополиста.

Таким образом, в сейчас та частная собственность на средства производства, что позволяет называть капитализм империализмом, обрела форму собственности спекулятивной, и спекулятивные механизмы концентрации капитала стали основными. Поскольку спекулянт не имеет никакого отношения к производству товара, то основное противоречие капитализма, противоречие между трудом и капиталом, в настоящее время все больше приобретает форму противоречия между владением спекулятивной собственностью и ее функционированием, управлением ею, прежде всего. Вместе с тем противоречие между классом капиталистов и таковым когнитариев не обрело еще антагонистической формы. Когнитариат только тогда обретет классовое чутье, когда осознает, что гегемоном он станет только в том случае, когда будет служить не капиталистам, но всему народу.

Первейшей задачей экклезии должно быть создание такого рынка средств производства, который не допускает спекулятивного накопления капитала. Возникновение такого рынка означает, что власть на предприятиях, котирующихся на соответствующей бирже (специфичность этой биржи мы подчеркнем, назвав ее *народным базаром*), будет принадлежать коллективу миноритариев. Такую форму анархо–синдикалистской экономики можно назвать *артельным коммунизмом*, а соответствующие коммуны *артелями*. Для того чтобы отстраниться от капиталистических ассоциаций, мы будем называть акции, торгующиеся на базаре, *артельными паями*.

Законы базарной торговли, обеспечивающие ее должное функционирование, просты и естественны. Все пай всех артелей *всегда* должны быть выставлены на продажу. Каждый коммунар, т. е. владелец паевого капитала, должен сам назначить стоимость всех своих паев; общая же цена этого его капитала будет служить основанием для начисления налога на владение паевым капиталом. Этот налог должен быть прогрессивным, и функциональная зависимость налогообложения от величины находящегося в собственности того или иного коммунара капитала, должна быть такова, чтобы его можно было считать именно коммунаром, а не капиталистом. В силу прогрессивного характера налогообложения коммунары не могут произвольным образом завышать стоимость своего паевого пакета. Цена этого пакета не может существенно превосходить некоторого оптимального значения, определяемого величиной того дохода, который принесла бы соответствующая сумма, будучи положенной в банк. Взимание паевого налога не требует от экклезии никаких усилий, и уклониться от него просто невозможно — в случае неуплаты все пай неплательщика арестовываются и выставляются на аукционные торги, после чего вырученная за продажу этих паев сумма, за вычетом его долга, возвращается коммунару.

Для того чтобы власть в артелях не оказалась в руках капиталистов, владеющих контрольными пакетами паев, оптимальный их пакет должен быть таковым, чтобы каждый прилежный труженик смог его заработать, скажем, за лет пять—десять. Вполне понятно, что доход, приносимый оптимальным паевым пакетом его владельцу, может составлять лишь незначительную часть его заработной платы: по всей видимости, он будет лишь гарантировать коммунару некий довольно скудный прожиточный минимум. Основной смысл владения артельными паями заключается не в меркантилизме, но в том, что они позволяют их владельцам участвовать в управлении соответствующими артелями. Вместе с тем, начинающему коммунару выгодно приобретать паи, поскольку доход, приносимый ими — пока их не много — гораздо больше того, что может принести соответствующая сумма, помещенная в банк. Это обстоятельство приобщает людей к стремлению стать коммунарами. В основе той или иной общественно—экономической формации лежат отличия в собственности на средства производства. В этом смысле развитой артельный коммунизм, безусловно, является новой формацией, поскольку артельную собственность нельзя назвать ни частной, ни государственной, ни коллективной, если подразумевать под коллективом лишь коллектив производственный. Более содержательным синонимом артельной собственности на средства производства может быть, например, термин *торговая собственность*.

Артельный общественно—экономический уклад позволяет решить все проблемы, не позволившие анархо—синдикализму стать ведущим направлением коммунистического движения. По своей сущности, коллективное владение средствами производства служит удовлетворению эгоистических интересов соответствующего коллектива. В этом смысле стимулы производственной деятельности коллективного собственника мало отличаются от стимулов, руководящих деятельностью капиталистов. В отличие

от этого торговая собственность на средства производства гармонично сочетает в себе собственность коллективную и общенародную. Общенародный характер артельной собственности заключается в том, что она принадлежит каждому человеку, желающему управлять ею.

Коллективное владение производственным капиталом никак нельзя назвать справедливым, поскольку его величина, будучи различной для разных коллективов, приводит к неравенству благосостояния их членов. Коллектив, владеющий, например, нефтяным месторождением, нельзя сравнивать с таковым, владеющим швейной фабрикой. При артельном коммунизме такого рода несправедливый доход будет быстро рассеиваться среди соответствующего числа коммунаров, не занятых непосредственно на данном производстве. По этой же причине артельному коммунизму не вредит никакой монополизм. При коммунизме размеры артелей будут определяться не стремлением захватить тот или иной сегмент рынка, но чисто экономическими причинами. Артельный уклад естественным образом уничтожает и ту несправедливость, которую теоретически могла бы устранить дифференциальная рента, уравнивающая природные условия различных территорий. Быстрое распределение несправедливых доходов в пользу мелких держателей паевого капитала является очень эффективным механизмом автоматического регулирования экономических процессов. Это означает, что артельному укладу не угрожают сколько-нибудь значительные кризисы, которые являются, в сущности, релаксационными колебаниями быстро растущей монополизированной экономики.

Бичом коллективистской формы хозяйствования является бюрократизм, ибо всегда находятся специалисты по захвату власти внеэкономическими методами, и чем многочисленнее коллектив, тем проще им осуществить это свое стремление. Формирование управленческого аппарата любой артели, как и любой акционерной компании, обладает тем признаком эврикратии, что при этой проце-

дуре голосуют не коммунары, но их артельные паи. Здесь, однако, не хватает непрерывности голосования, и, следовательно, в дело должен включиться интернет. Для того чтобы коммунары осознанно избирали правление артелей, каждая из них будет обязана завести интернет-форум, на котором сможет выступать любой желающий. Демократичность модерирования такого рода форумов должна гарантировать еkkлeзия. Это, в частности, означает, что понятие коммерческой тайны не применимо к артелям.

* * *

В принципе, народный базар может располагаться где-либо на земле, но самое естественное его местонахождение находится, конечно, в интернет-пространстве. Это обстоятельство позволит каждому коммунару в любой момент свободного времени посетить его прилавки, и, кроме того, соответствующее строительство в «эфире» осуществить гораздо проще. Структура артельного базара должна существенно отличаться от того, что является обычная фондовая биржа. По мере развития артельной экономики в нее будут включать очень большое число предприятий, гораздо больше, чем способен обслужить централизованный, единый на всю страну базар. В этой связи артельный базар должен будет выглядеть как совокупность региональных базаров, контролируемых региональными же еkkлeзиями. Со временем налоги, взимаемые с коммунаров, будут единственным источником средств для бюджета еkkлeзий. Степень федеративности еkkлeзиальной власти будет определяться долей налоговых поступлений, передаваемых региональными еkkлeзиями центральной. В общем же, источник финансирования еkkлeзий всех уровней будет несравненно слабее того, что питает государственную власть.

Создание зародыша артельной экономики вполне по силам и юной еkkлeзии, поскольку эта работа является, прежде всего, пропагандистской, но далее процесс может принять лавинообразный характер, ибо массы, озаренные

коммунистическим маяком, придут в движение. Имеющие цель трудовые коллективы — это отнюдь не те профсоюзы, что улаживают противоречия между трудом и капиталом. (Здесь уместно вспомнить, что Советская власть началась именно с установления рабочего контроля на фабриках и заводах.) Во избежание социальных катаклизмов очень желательно, чтобы переход от капиталистической экономики к артельной был достаточно плавным, т. е. носил регулируемый характер. Осуществить (вернее затормозить) трансформацию экономического базиса может только государственная власть — для того же чтобы это торможение не обернулось гонением, требуется, как минимум, действительно демократичная государственная власть.

Победоносная конкуренция артельной экономики с капиталистической не означает полной ликвидации капиталистического экономического уклада. Частная собственность на средства производства останется существовать, надо думать, в ее мелкобуржуазном виде. Здесь важно то, что при установлении в обществе коммунистического морального климата взаимоотношения между трудом и частнособственническим капиталом не могут быть антагонистическим. Сохранение при коммунизме «мелкобуржуазного» уклада следует рассматривать как положительное явление, поскольку соответствующие предприятия часто создаются творческими личностями, увлеченными инновационными проектами.

Для великорусского менталитета, однако, более характерно не единоначалие, но коллективистская организация труда. Русские, не в пример другим народам, легко создавали «соборно» управляемые артели (в традиционном смысле этого слова). Уже при Советской власти возникали артели «шабашников» и студенческие строительные отряды. Только в силу наших цивилизационных архетипов коллективизация сельского хозяйства прошла на удивление гладко. Можно предположить, что в России лишь потому не возникла могучая кооперативная экономика, что на крупных предпри-

ятиях невозможно было организовать соборное управление. Если бы было иначе, то артельные базары, быть может, возникли бы уже давно и сами собой. Надо думать, что на русской почве мелкие не котирующиеся на базарах «колхозы» (не обязательно сельскохозяйственные), станут достойными конкурентами мелкобуржуазного уклада. Торжество коммунистической экономики не означает полного отстранения государства от экономической жизни. Сферой его участия будут те модернизационные проекты, реализация которых не по силам даже очень крупным артелям.

О метафизике

Под метафизикой в настоящей работе понимается наука, призванная понять, что такое эволюция в самом общем смысле этого слова. Автор верит, что эта наука не только призывается, но уже достаточно четко оформилась. В настоящее время теоретическая физика настолько глубоко изучила материю, что может с абсолютной уверенностью сказать — ничего, что можно было бы назвать причиной, а что следствием, она в себе не содержит. Иначе это звучит как инвариантность всех фундаментальных уравнений физики относительно обращения времени.

Метафизика, как еще–не–наука, возникла гораздо раньше физики; поскольку метафизические построения содержит в себе любая религия, то можно думать, что она старше самого человека современного вида. Это легко заметить, так как мифология любой религии повествует о сотворении мира, различных растений и животных, человека. Позже, в античное время и по мере совершенствования логического мышления возникла философия, которая в своей самой глубокой проблематике не отделима от метафизики. Основной вопрос философии — материя и дух, что первично? — является, в сущности, вопросом о том, содержит ли в себе материя потенцию к развитию. В XVII веке, благодаря гению Ньютона и Лейбница, был открыт адекватный

язык для материалистического направления философской мысли, и оно, превратившись в физику, покинуло философию. Таким образом, в настоящее время философия может быть только идеалистической. В эпоху модерна вера в науку обрела религиозные черты, и только это не позволило Марксу понять, что его диалектический материализм есть, в сущности, надделение материи духовностью.

Идеалистическая философия заговорила бы по-другому, если бы она обнаружила в физике фокус приложения своих усилий. А фокус этот лежит на самой поверхности — все уравнения физики ничего не описывают до тех пор, пока кто-то не задаст им необратимым образом начальные условия. Эту неполноту механики сразу почувствовали философы, создав в том же XVII веке абсолютно непротиворечивое учение, которое называется деизмом. Согласно представлениям деистов, Творец в начале времен «телекинетически» задал координаты и скорости всех атомов мироздания и удалился от дел. Деизм, который Маркс назвал «самым безболезненным способом отделаться от религии», не укоренился лишь потому, что подавляющее большинство людей уверено, что они обладают свободой воли, и, подобно Творцу, способны изменять начальные условия в Уравнении, описывающем материальную вселенную. Автор уверен, что в настоящее время уже обнаружен и математический язык, превращающий идеалистическую философию в точную науку, при этом читатель не должен удивляться, если метафизика покажется ему «теоретической теологией», ибо Ленин сказал, что «любой идеализм ведет в болото, в поповщину». Метафизика — это наука, имеющая дело с реальностью, не охватываемой материалистическим естествознанием и лежащая в основе любой религиозности: в сущности, это и есть теология, развившаяся до состояния и убедительности истинной науки. В этой брошюре, однако, недостаточно места, чтобы рассказывать о метафизике с научной убедительностью, по-

этому я отсылаю читателей к трактату «Предназначение России», помещенному на моем сайте UtopiaUltima.narod.ru.

Религиозные люди уверены, что в любом живом существе живой является лишь душа (для научной однозначности мы будем называть ее *психеей*), находящаяся в симбиозе с мертвой материей и управляющая ее. Человек — это, как говорится, «душа, обремененная трупом». Прежде, чем люди додумались до того, что божественное является нематериальным, они полагали, что души и духи, т. е. *био-* и *теопсихеи*, сотканы из особой тонкой материи, не взаимодействующей с грубой материей обычным для последней образом. Представляется, что это действительно так. Анализ уравнений физики, показывает, что пространство может обладать сингулярностями, представляющими собой двумерные мембраны бесконечно малой толщины. Тела, образованные этими мембранами, в своей совокупности, образуют «тонкую материю», не описываемую, в интересующем нас отношении, какими-либо уравнениями физики — это совершенно особая материя, не имеющая отношения к элементарным частицам физики. Физика давно уже нуждается в такого рода материи, поскольку в природе существуют явления, необъяснимые, исходя из современных научных представлений. Мы можем с уверенностью считать, что так называемая темная материя, образующая более 90% массы вселенной является именно тонкой материей. Уверенность в этом дает то обстоятельство, что при определенных условиях мембранные тела могут принимать форму сверхпроводящего тора, по поверхности которого протекают незатухающие токи. Будучи помещенными в атмосферу, такие тела выглядят как шаровые молнии. Физика (физика плазмы, прежде всего) может точно описать все черты этого метеорологического явления, и это ее описание идеально соответствует *всему*, что нам известно из многочисленных наблюдений этого явления. Таким образом, мы должны считать Вселенную живым существом, «душу» которого можно называть Астралом. Все это, одна-

ко, относится к физическому аспекту мембранной материи, и находится вне темы настоящей работы. Свойство же мембранных тел быть живыми, проистекает из того, что их мембраны представляют собой континуальную, бесконечно делимую сущность. Можно сказать, что мембранная материя характеризуется актуально бесконечным множеством степеней свободы. Заметим, между прочим, что еще Николай Кузанский, схоласт XV века утверждал, что актуальная бесконечность является атрибутом божественного. Так же, в сущности, относился к этому и Г. Кантор, создатель теории актуально бесконечных множеств.

Математику, которая описывает физическую материю, и основу которой заложили Ньютон и Лейбниц, можно назвать аналитикой — ее «субстратом» является континуум, называемый пространством. В отличие от этого языком метафизики является тот круг математических дисциплин, который иногда называют дискретикой. Это такие дисциплины как информатика, теория вероятностей, теория игр, квантовая компьютерия и др. Общим для всех этих дисциплин является то, что их фундаментом является не пространство, но дискретные множества и операции над ними. Если аналитика существует сама по себе, то дискретика имплицитно предполагает существование оператора, необратимым образом манипулирующего соответствующими множествами.

Ключом к пониманию сущности метафизики является то, что называется квантовомеханическим экспериментом. Смысл этого заключается в так называемой копенгагенской трактовке квантовой механики, данной Бором и Гейзенбергом. Сущность этой трактовки можно выразить так: в квантовомеханическом эксперименте обязан присутствовать субъект, который таинственным, телекинетическим образом изменяет состояние изучаемого объекта, т. е. изменяет необратимым образом начальные условия в соответствующих уравнениях физики. Способность биопсихеи экспериментатора изменять состояния объектов проявляется в квантово-

механическом эксперименте столь наглядно лишь потому, что человек не способен изменять состояния микроскопических объектов, пользуясь какими-либо макроскопическими инструментами. В мире же макроскопических объектов эта мистическая способность психей остается незаметной — у высших представителей биосферы они телекинетически взаимодействуют только с их нервной системой — исключение представляют лишь так называемые экстрасенсорные явления, воспринимаемые как чудо.

Теоретический фундамент метафизики — его можно назвать *натурфилософией* — состоит в описании копенгагенской трактовки, которая является не более, чем феноменологическим фактом, строгим языком математики. В сущности же, он заключается в опознании этой трактовки как теории информации Шеннона. Каждый объект мироздания представлен в двух аспектах — материальном и идеальном. С теоретической точки зрения материальный аспект — это решение некоторых уравнений физики, а идеальный — это та информация, которую Творец должен знать, чтобы воссоздать этот объект. Математически это некоторое множество значений параметров характеризующих тот или иной предмет — мы будем называть его *мультимультифайлом*¹ объекта. Существование такого мультифайла хорошо известно физикам, только называют они его *ансамблем Гиббса*. Теперь нам должно быть понятно, что именно изменение содержания мультифайла вызывает изменение состояния объекта; ясно так же, что «руками» вмешательство в содержимое мультифайла осуществить невозможно.

Телекинетическое взаимодействие объектов, которое лучше называть *информационным*, имеет прямое отношение к квантовомеханическому явлению, носящему название эффекта Эйнштейна–Полонского–Розена. На языке натурфилософии это явление следует понимать следующим

---

¹ Мультифайл тем отличается от того, что мы называем файлом, что он может содержать неоднозначную информацию.

образом. В теории множеств оператор может устанавливать взаимнооднозначное соответствие между элементами каких-либо множеств или их подмножеств. Эта операция в математике называется *биекцией*. Отождествленные таким образом множества следует рассматривать как нечто единое, представленное в двух описаниях. Если такими отождествленными множествами являются подмножества мультифайлов различных объектов, то говорят, что эти объекты находятся в состоянии зацепления (*entangled state*, в метафизике такие состояния естественнее называть *эмпатированными*). Если теперь психея-оператор изменит состояние какого-либо одного из эмпатированных между собой объектов, то в тот же момент времени соответствующее изменение претерпит и другой объект, как бы далеко он ни находился от первого.

Теперь механизм, посредством которого психеи способны управлять косной материей, можно описать так: психеи способны создавать из своего актуально бесконечного материала некие виртуальные объекты и по своей воле манипулировать ими. Если эти виртуальные объекты эмпатированы с какими-либо реальными объектами, то с их изменением изменяют свое состояние и объекты реальные. Все здесь сказанное является фундаментальным, но, собственно говоря, единственным вкладом натурфилософии в метафизику.

Натурфилософия относится к метафизике примерно так же, как естествознание — к фундаментальной физике. Естествознание изучает Материал, т. е. мертвый, материальный аспект Вселенной, во всех его проявлениях. Свести все свойства Астрала, т. е. духовного аспекта Вселенной, который менее образно можно было бы назвать *Психиалом*, так же невозможно, как вывести все свойства Материала, исходя непосредственно из уравнений единой теории поля. Наука начинается там, где возникает теория, где ученому удастся построить некую идеальную конструкцию, исходя из которой, можно было бы, опираясь на логику, нарисовать картину, адекватную тому или иному кругу наблюдаемых в природе явлений. Отличие же метафизики от естествознания

заключается в том, что в естествознании возможен эксперимент, независимым от сознания ученого образом подтверждающий или опровергающий его творческие достижения. В этом смысле метафизика похожа на математику, которая является скорее искусством, чем наукой. Метафизику роднит с искусством то, что в ней, как и в математике, важнейшим критерием истинности является красота соответствующих построений — можно сказать, что истинность метафизических конструкций проверяет не эксперимент, но музы.

Квантовомеханические эксперименты со всей наглядностью и неустранимо продемонстрировали вмешательство идеального в дела материального. Сохранить спокойствие (но не рассудок) стихийные материалисты, какими является подавляющее большинство физиков, смогли, лишь сведя это идеальное к простому и не поддающемуся какому-либо осмыслению механизму. Статистическое толкование результатов квантовомеханических экспериментов, утвержденное так называемым постулатом Борна, превращает психею экспериментатора в простой датчик случайных чисел. Если деисты полагали, что человек является автоматом, запрограммированным Творцом, то для «как-бы-материалистов» его сердцем является рулетка. Первые же эксперименты по проверке постулата Борна, показали, что результаты квантовомеханических экспериментов зависят от неосознанных желаний экспериментаторов¹.

Случайное не есть встроенный в природу датчик случайных чисел — это всего лишь непознанная закономерность. В теории информации случайное численно характеризуется количеством энтропии, а известное — количеством информации. В каждом сообщении они подчиняются соотношению

$$S + I = \text{const.}$$

Все то, что мы понимаем как случайное в эволюции жизни на Земле, является результатом того, что астральная информация, управляющая этой эволюцией, носит в глазах

---

¹ С.Э. Шноль, Успехи физических наук, 170(2000), № 2, стр. 14.

биосферы неоднозначный, содержащий много энтропии характер. В полностью осознанном состоянии эта информация выглядела бы как Цель существования Вселенной. В теогониях некоторых религий Большой взрыв представляется как разрушение примордиального Яйца. Из верхней части его скорлупы образовался Астрал, а из нижней — Материал, земная же жизнь происходит из содержимого Яйца. Можно думать, что Цель Мироздания связана с ответом на вопросы — кто, как и зачем снес это Яйцо. Здесь можно быть уверенным лишь в одном — без эволюционирующего содержимого примордиального Яйца, т. е. без симбиоза мертвого и живого Цель Мироздания недостижима. Цель, к которой стремится наша Вселенная, не может находиться внутри нее — в этом случае не могло бы произойти ее рождение 15 миллиардов лет тому назад, и неизбежна ее «механическая смерть» по достижении этой цели. Мироздание актуально бесконечно, и это означает, что астральные иерархии не имеют вершины, что наша вселенная принадлежит лишь какому-то определенному иерархическому уровню бесконечной иерархии. Можно сказать, что в Мироздании нет Всевышнего, если, конечно не считать таковым самое актуальную бесконечность.

Информационное взаимодействие психей вполне аналогично информационному взаимодействию, существующему между мертвыми объектами (но это уже не телекинез, но телепатия). Разница заключается лишь в том, что мультифайлы субъектов, в отличие от таковых объектов, представляют собой актуально бесконечные множества. Именно эта их бесконечность является источником аксиоматических понятий, отличающих живое от мертвого. Среди такого рода понятий можно назвать свободу воли, стремление к власти, харизматичность, которая характеризует способность одной психеи навязывать свою волю какой-либо другой. Этих понятий достаточно, чтобы психеи участвовали в Игре, призом в которой является власть, а результатом ее является иерархическая структура мирозда-

ния. Каждый иерархический уровень характеризуется своим объемом информации, которая является его интерпретацией императивов вышестоящих инстанций.

Другое отличие психиальных мультифайлов заключается в том, что они не имеют воплощения в материальных объектах¹. Эта связь объектных мультифайлов с воспринимаемым органами чувств миром, наделяет смыслом информацию, содержащуюся в мультифайле. В этом обстоятельстве заключается все отличие математической теории информации от натурфилософии, которую вполне можно назвать *семантической информатикой*. Что касается астральных смыслов, то они не имеют воплощения в наблюдаемом нами мире и проникают в сознание людей *только* в виде творческих прозрений. Существо, лишённое души, является биороботом, действующим по заданной в виде инстинктов программе. Такого рода существо будет быть живым только в том случае, если оно находится в симбиозе с биопсихеей, являющейся программистом биоробота.

Сознание людей — это компьютер, призванный оптимизировать поведение людей при стремлении их к целям, указываемым их психеями. Этот компьютер, как ему и положено, обладает дисплеем, памятью и мыслительным аппаратом, функционирующим по законам математической логики. Будучи компьютером, сознание может оперировать только однозначной информацией, т. е. информацией в виде файлов. Информация же, пробивающаяся в сознание, выглядит, в понятиях доступных сознанию, как информация многозначная — это означает, что психиальное послание содержит в себе то или иное количество энтропии. Процесс преобразования психиального мультифайла в сознательный файл осуществляет аппарат, называемый в психоанализе *цензором*. В основе его работы лежит умение

---

¹ С точки зрения теоретической физики состояние объекта — это вектор в пространстве Гильберта, а мультифайл — соответствующий этому вектору ансамбль Гиббса.

оценивать ассоциативную близость файлов сознания к файлам психиального мультифайла. В квантовой механике такого рода редукции мультифайлов соответствует понятие редукции композитных состояний материальных систем.

Иерархичность астрального социума приводит к тому, что восхождение по ее ступеням происходит дискретным образом. В применении к процессу этногенеза это восхождение на очередную его ступень обнаружил и описал наш гений Л. Гумилев. Надо только понимать, что этногенетический цикл Гумилева, который не отделим от социогенеза, является частным случаем всеобщей эволюционной закономерности. У людей он прояснен сознанием, у животных, обладающих нервной системой, но лишенных сознания, творческое прозрение закрепляется условными инстинктами, переходящими в безусловные, и лишь затем они приобретают облик соматических изменений. У низших представителей биосферы творчество происходит непосредственно на хромосомном уровне — информация, идущая из Астрала здесь выражается на языке «запахов», т. е. на языке гормонов, играющих в организме феромонов.

Согласно Гумилеву этногенетический цикл начинается с того, в сознание некоторых членов общества, находящегося в бездвижном состоянии гомеостаза, начинает проникать информация из некоторого астрального социума, берущего на себя роль прогрессора. Понятия, существующие в этом социуме, настолько чужды сознанию людей, что соответствующие мультифайлы могут быть отражены в сознании только неоднозначным языком искусства, в творениях которого значимая информация выделяется эмоциями — на этом языке Астрал просто подсказывает, в какой насколько или иные ассоциации, вызываемые в сознании художеством, близки к истине. Эту «пренатальную» фазу эволюционного цикла Гумилев называет *инкубационным*.

По мере проникновения в сознание людей астральных смыслов дело поэтов берет в свои руки пророки, и возникает новая религия. В обществе людей с развитым логиче-

ским мышлением роль религии берет на себя философия. Маркс неправ, когда утверждает, что до него философы лишь объясняли мир, не стремясь его переделать, — мировоззрение всегда идет рука об руку с утопией. Идеи, содержащиеся в учениях пророков уже настолько конкретны, что приводят массы в движение, и начинается *акматическая* фаза эволюционного цикла. В сознании разных пророков астральные послания редуцируются по-разному, в силу чего астральные мультифайлы принимают вид множества конкурирующих учений. Несмотря на то, что истинно верующие люди уверены в своей способности навязывать Астралу свои желания, харизма астральных прогрессоров столь велика, что их послания, как и редукции этих посланий в виде тех или иных учений, обладают несравненно более высокой императивностью. В терминологии Гумилева устремленность людей, индуцированная этой императивностью, называется *пассионарностью*. Излишняя *пассионарность* превращает людей в фанатиков идеи, не знающих что такое компромисс. *Акматическую* фазу эволюционного цикла можно было бы назвать *анархической*. Это время является несчастьем лишь для обывателей, чьи души слабо эмпатированы с психеями астральных водителей.

В конце концов, из всех прочтений астральных посланий побеждает какое-либо одно, а все остальные объявляются ересью. На этом заканчивается детство эволюционирующей формации (если понимать, под этим любую эволюционирующую систему), и начинается ее зрелость, т. е. то, что Гумилев назвал *инерционной* фазой этногенеза. При этом победившее учение обретает облик некоего мейнстрима, сужающегося по мере исчерпания информации у его астральных вдохновителей и превращения ее в материальную реализацию. Концом эволюционного цикла является та механическая смерть формации, которую Гумилев назвал *реликтовой* фазой эволюционного цикла. Альтернативой хрупкому механическому бессмертию формации является ее разрушение при столкновении с другими более *пассионарными*

формациями. Климакс эволюционирующей системы, т. е. ее переход из зрелого состояния в старческое, является болезненным процессом, который Гумилев называл субпассионарным надломом. Остановкой прогресса занимаются те обыватели, для которых нет ничего святого. Пассионарность эти *субпассионарии* черпают из того топуса своих биопсихей, который называется животной душой.

Европейская цивилизация, возникшая на обломках античного мира как цивилизация христианская и омолодившаяся в эпоху модерна верой в научный прогресс, в настоящее время переживает свое климактерическое время. В высшей степени сомнительно, что она переживет его, застыв в постмодернистской кастовости, — эта цивилизация столь велика и индустриально развита, что ей никогда не удастся войти в гомеостатическое равновесие с питающей ее природой. В лице сверхпассионарного исламизма обрисовался и могильщик этой цивилизации. Нельзя рассмотреть никаких предпосылок того, чтобы капиталистическая формация обрела новую жизнь, как это произошло с вымирающими динозаврами, которые вознеслись на небо, превратившись в птиц. В этой метафоре России нужно отвести роль млекопитающих, влачивших в прекрасном мире динозавров свою неухоженную жизнь. Эти животные, однако, хранили в себе те прогрессивные ароморфизмы, которые позволили им в конце истории динозавров, начать новый кайнозойский эон земной жизни.

Об экономике

Мы будем гораздо глубже понимать политическую экономику, т. е. экономику в ее самом общем и фундаментальном смысле, если выделим *производство* как некую ее составляющую, которую можно полностью описать как некий физический объект, совершенно не прибегая при этом к экономическим понятиям. Умозрительно можно представить себе полностью автоматизированное производство,

которое функционирует по заданной программе. Таким же образом можно понимать и более реальное производство, если уподобить персонал, занятый на производстве неким многофункциональным роботам. При таком понимании производства оно производит не товар, но *продукцию*, и приводится в действие, не трудом, но *работой*, в физическом смысле этого слова.

Каждому продукту, представляющему собой какой-либо элемент продукции, можно сопоставить количество затраченной на его производство работы. Возникает, однако, типичная для метрологии проблема — как измерить эту работу и что принять за измерительный эталон. С точки зрения физики, работа — это количество энергии, переданной от одной материальной системы — ее можно назвать *энергоносителем* — другой, т. е. энергоприемнику. Таким образом, работу можно измерять каким-либо количеством эталонного энергоносителя. Однако все возможные энергоносители, потребные производству, имеют для него разную ценность. Даровые энергоносители, существующие в природе (интересно, кто нам их подарил), не могут непосредственно использоваться в производстве, следовательно, производственные энергоносители сами являются продуктами. Ценность их в производстве определяется тем, насколько извлекаемая из них даровая энергия превосходит работу, затрачиваемую при фабрикации тех или иных энергоносителей, и тем, насколько легко потенциальная энергия, хранящаяся в энергоносителях разного вида, может преобразовываться в виды энергии, потребные производству. Если бы в производстве в качестве универсального использовался какой-либо один энергоноситель, то он, естественно, как раз и был бы эталоном работы, заключающейся в том или ином продукте производства.

В сущности, наше умозрительное производство ничего не производит, поскольку вся создаваемая им продукция им же и потребляется. При использовании того или иного энергоносителя не вся высвобождаемая при этом ра-

бота переходит в продукцию, создаваемую производством, — в соответствии с законом возрастания энтропии при этом обязана производиться и дополнительная работа, которую никак нельзя назвать безвредной. При работе, например, токарного станка, выделяется тепло, нагревающее воздух, что требует принудительной вентиляции производственных помещений. В станке изнашиваются детали, что требует изготовления запасных частей. При функционировании производства образуются отходы, не все из которых можно снова использовать в производстве. Без надежного захоронения этих отходов невозможно не только производство, но и сама жизнь на земле. Таким образом, вся энергия, потребляемая производством, тратится на борьбу с законом возрастания энтропии. Если назвать универсальный энергоноситель деньгами, то их распределение между различными производителями — будь это тот же токарный станок или робот–пролетарий — осуществляется по «коммунистическому принципу»: от каждого по способностям и каждому по потребностям.

Чтобы об этом не думали материалисты, но люди являются не роботами, но живыми существами, и все попытки «казарменного коммунизма» осуществить идеальное производство, омертвив человека, кончались его бунтом. Для людей продукты производства являются товаром, распределение которого между ними происходит как результат товарного обмена. Вся ошибочность трудовой теории стоимости, заключается в том, что в ней меновая стоимость товаров определяется, в сущности, не трудом производителей, но лишь их работой в физическом смысле этого слова. Согласно классической политической экономике, которую основал Петти, развили Адам Смит и Риккардо и завершил Маркс, учитываемая при товарообмене стоимость товаров определяется количеством содержащегося в них общественно необходимого труда, т. е. труда, усредненного по всему множеству трудящихся. При таком подходе стоимость того или иного товара определяется временем при-

ложения к нему обобществленного труда. Это смутное понимание стоимости потребовало от Маркса очень многих страниц заумного текста. На самом же деле все очень просто — достаточно назвать труд работой. Работа — это

$$A = W \cdot t,$$

где A есть количество работы, t — время, необходимое для создания товара определенного вида, а W — усредненная по всем товаропроизводителям их мощность, называемая в экономике производительностью труда.

Маркс являлся, безусловно, честным человеком и его заблуждение в том, что *homo sapiens* не есть *perpetuum mobile*, рождающий энергию из себя, является искренним. Как бы то ни было, но это заблуждение превращает марксизм в фикцию (можно уточнить, что за исключением его составной части, называемой диалектическим материализмом, — но она является фикцией по другой причине). Поскольку «солью земли» является не труд пролетариев, но даровая энергия, то пролетарская коммунистическая революция отменяется. Кровавые бунты обездоленных, в роде той, что привела к Парижской Коммуне, беспощадно подавляются¹, их забастовочное движение отменяет обнищание рабочего класса, а превращение забастовок в собеседование между капиталистами и профсоюзными боссами лишает межклассовые противоречия антагонизма.

Марксова теория прибавочной стоимости является в корне ошибочной, и рассуждать надо следующим образом. Вопреки утверждениям материалистов мы должны считать, что человек состоит из души и ее личной собственности, частью которой является биоробот его тела. Душу, в ее экономическом аспекте, можно называть *собственником*. Без собственности человек не может существовать и его душа, перестав быть собственником, возносится

---

¹ Россия здесь не в счет, поскольку в ней произошло нечто уникальное — а именно, победоносное крестьянское восстание, каковым, в сущности, является Гражданская война.

на небо. Но собственность, как и все бренное, подвержена деградации, и для своего сохранения собственность должна получать энергию в виде соответствующей продукции. При капитализме эта продукция имеет форму товаров, и получает их собственник в результате товарообмена. Это означает, что собственность должна быть *товаропроизводителем*, и, следовательно, работать.

При капитализме — в его идеализированном виде — собственники делятся на два класса: собственников–пролетариев и собственников–капиталистов. Собственность пролетариев, в отличие от таковой капиталистов, не содержит в себе средств производства, и без определенного взаимодействия этих классов их собственности работать не могут. Фундаментальная ошибка Маркса заключается в том, что собственность пролетариев не является товаром, покупаемым капиталистами и выбрасываемым ими за ненадобностью — это характерно лишь для рабовладельческого строя, существовавшего в Риме. На самом деле капиталисты лишь арендуют собственность пролетариев, получающую при этом возможность работать. Плоды же этой работы делятся между собственником–пролетарием и его арендодателем.

В ту эпоху капитализма, что сейчас называется модерном, собственник обладает метафизическим свойством быть накопителем, можно сказать, что он из вида *homo sapiens* развился до вида *homo oeconomicus*, необоримым образом стремящегося увеличить свою собственность. Таким образом, центральным противоречием капитализма является не неискоренимое противоречие между трудом и капиталом, но таковое между арендатором и арендодателем, делящими совместно произведенные товары. В то время, когда жил Маркс, взаимоотношения пролетариев и капиталистов носили варварский характер — на кабальные условия аренды, навязываемой капиталистами, пролетарий мог ответить лишь забастовкой, беспощадно подавляемой капиталом посредством руководимого им государства. Со временем эти взаимоотношения стали носить менее анта-

гонистический характер. В настоящее время взаимоотношения между капиталистом и пролетарием оформляются в виде контракта, оговаривающего соответствующие доли при дележе выработанной ими продукции, а также их права и обязанности, нарушение которых может привести к разрыву контракта. Государство теперь не насилует пролетариев, защищая капиталистов, но выступает арбитром в их спорах. Кроме того, государство стало социальным — оно обеспечивает некий прожиточный минимум пролетариям, оторванным от средств производства — так что теперь в благополучных странах никто не умирает от голода и холода.

Свойство души человека быть накопителем не является чем-то имманентно ей присущим. Оно присуще лишь развивающимся классовым сообществам людей. Только прогрессирующая экономика работает не сама на себя, но создает подлежащую накоплению дополнительную продукцию. Душа человека не была накопителем при первобытнообщинном укладе, не будет она им и при застывшем в недвижности предельно постмодернистском состоянии капиталистической общественно-экономической формации. В своем безмятежно-реликтовом состоянии все сообщества людей делятся уже не на противостоящие классы, но на касты, равнодушно вззирающие друг на друга, а контакт между пролетариатом и буржуазией становится не подлежащей сомнению скрижалью, первой заповедью которой частная собственность на средства производства объявляется священной. Вся несправедливость окончательного постмодерна заключается лишь в том, что одни люди рождаются патрициями, а другие — плебеями. Однако это несправедливо лишь при взгляде из другого времени — постмодернистское состояние сознания не знает, что такое справедливость.

Энергетическая теория собственности не является лишь уточнением трудовой теории собственности, касающимся глубинного фундамента экономики. Она позволит по-новому и гораздо более адекватно осветить все эконо-

мические явления. Дело здесь в том, что в классической политэкономике труд человека, являясь неизмеряемой сущностью, объявляется, тем не менее, мерилom меновой стоимости товаров. В новой же политэкономике, которую можно назвать общей эргономикой, труд человека и совершаемая им работа — понятия не совпадающие. Дело здесь в том, что индустриальный прогресс обеспечивается не механическим трудом товаропроизводителей, но трудом творческим, который создает не материальную продукцию, но духовную — т. е. новую, не известную до того времени информацию, и ее невозможно адекватно выразить в энергетических единицах.

Отличие развивающегося предприятия от предприятия-автомата, работающего лишь на себя, — это отличие живого от мертвого, и внешне оно отличается тем, что производит не только материальную продукцию, но и прибыль. Если материальная составляющая предприятия (она включает в себя и «трупы» занятых на производстве людей) есть тело предприятия, то прибыль составляет ее душу. Прибыль не выразима в мертвых энергетических единицах — и ее ценность заключается в том, что она дает предприятию власть, власть живого над мертвым, неукротимое стремление духа властвовать над материей. Инструменты, позволяющие осуществлять эту власть, поставляют только творчество людей, единственное, что отличает живое от мертвого. В конечном счете, любой творческий акт означает увеличение власти человечества над материей. Увеличение власти души предприятия над телом выражается в увеличении его массы при расширенном производстве, т. е. в увеличении добываемой энергии, которая является мерилom материи, поскольку $E = mc^2$. Прибыль является квинтэссенцией творчества людей, и это слово не отражает его метафизической сущности. Точнее было бы назвать прибыль *творческим деривативом* предприятия. Говоря о терминологии, следует заметить, что русский термин *предприятие* плохо отражает его метафизический смысл, и его

лучше называть *компанией*, подразумевая под этим сообщество людей, владеющим тем или иным производством. Творческий дериватив какой-либо компании обязан иметь энергетическое, т. е. денежное содержание, поскольку его цель заключается в увеличении энергии, поступающей в эту компанию, и соответствующих энергетических затрат.

До возникновения человека разумного инструментом, находящимся во власти животного, было лишь его биологическое тело. Человек же придумал включать в свое тело и небиологические объекты. Первым таким объектом был простой камень. Когда же он открыл возможность совершенствования этого данного природой инструмента, началась индустриальная эпоха человечества. Радикальное усовершенствование находящегося во власти людей инструментария случилось тогда, когда люди «изобрели» робота. Этот момент в истории человечества ознаменован возникновением классового общества, состоящего из людей и рабов. Классовое общество возможно лишь потому, что в каждом человеке наряду со стремлением к свободе — только она позволяет ему реализовывать власть над материей — есть и стремление стать рабом. По Фрейду, это есть танатос, стремление человека к смерти — оно проявляется, например, в «синдроме дяди Тома» и в так называемом «стокгольмском синдроме».

Продуктом творчества людей является информация, содержащая в себе смыслы, ранее неизвестные человечеству. Ценность творческих деривативов, следовательно, заключается в том, что именно они, в своей совокупности являются хранилищем информации, необходимой для функционирования производственных компаний. В информатике информация — это некоторая количественная величина, не обладающая каким-либо смыслом. Семантическая же нагруженность информации носит чисто метафизический характер, и она существует лишь потому, что человек живое существо, отличающееся от машины. Информация может носить неоднозначный характер, и мера этой неод-

нозначности определяется параметром, называемым в информатике количеством энтропии. Мы будем недалеко от истины, если будем под энтропией понимать бессмысленную информацию, содержащуюся в каком-либо сообщении. Для того чтобы не погружаться в метафизические глубины, нам здесь достаточно допустить, что сознание людей способно создавать только осмысленную информацию. В этом свете неоднозначную информацию следует понимать как множество различных гипотез, которое может вымыслить человек. Превращение неоднозначной информации в однозначную фиксируется в информатике термином *редукция информации*. В нашем случае это означает, что человек из всех выдвинутых им гипотез останавливается на какой-либо одной. Это отнюдь не означает, что эта гипотеза является истиной — чтобы убедиться в этом, он должен проверять выбранные гипотезы посредством логики. Однако сделать это безупречным образом возможно только посредством «сверхнауки», называемой математикой, и с гипотезами, поддающимися математическому осмыслению.

Нам следует теперь понять, каким образом творческие деривативы обретают материальную ценность, т. е. способность притягивать к себе энергию. Любое творческое достижение является божественным даром, даром Св. Духа, если угодно, и дар этот преподносится не творцу новой информации, но всему человечеству. Однако, как бы ни был бескорыстен творец, он является биологическим существом, и для поддержания жизни ему требуется энергия. Было бы очень хорошо, если бы он всегда мог получать эту энергию в виде *гонорара* — ответного дара благодарного человечества. Так, наверное, и происходит в Раю, но в земной юдоли творец вынужден, по большей части, делать из своего открытия секрет, и каким-либо способом обменивать его на энергию. То же самое происходит и живым существом, называемым компанией.

Истина, содержащаяся в том или ином деривативе, не является чем-то неизвестным человечеству. В науке, на-

пример, интересующая исследователя истина концентрируется в библиотеках. Истина же, содержащаяся в творческих деривативах, рассеяна по миру, и не имеет склонности накапливаться в виде всем доступного информационного своего содержания. При современном развитии капитализма творческие деривативы обрели видимость, называемую ценными бумагами и акциями компаний, в частности. В таком виде деривативы не являются раскрытыми книгами, из которых каждый может почерпнуть нужную ему информацию, — они содержат в себе секреты, подлежащие обмену на энергию. Торговля же акциями происходит на фондовых биржах, где они котируются, т. е. обретают меновую стоимость.

Каким образом это происходит, есть вопрос к метафизике. Для покупателя акций она представляет собой неоднозначную информацию, обогащенную энтропией. Его задача как можно лучше просветить эту информацию, уменьшив ее энтропийную, секретную составляющую. Для продавца же задача заключается в том, чтобы скрыть секретную часть информации, оставив, тем не менее, информацию, привлекающую покупателя. Повысить ценность акций можно, и снабдив ее дезинформацией, имеющей привлекательный вид. Все это похоже на азартную игру вроде покера, где каждый игрок, стремясь узнать расклад своего визави, ориентируясь на выражение его лица, жесты, интонацию или используя шулерские приемы. При покупке акций покупатель тоже сравнивает ее содержание с имеющейся у него информацией. Покупатель пытается понять, может ли он, используя ее, получить в течение разумного времени получить прибыль, которую можно вложить в свое производство (он тоже таит эту информацию от продавца).

В конце концов, торговля заканчивается тем, что покупатель и продавец редуцируют имеющуюся у них информацию, и то, что получилось, выражают соответствующим количеством акций и денег. Редукция информации таинственный процесс, ибо он происходит на бессознательном уровне. Существует мнение, что разные люди обладают

разной способностью успешно редуцировать неизвестную им информацию. Эта способность называется интуицией и означает, что люди способны прояснять интересующую их информацию телепатическим образом. То, что творческие люди получают посредством интуиции никому не известную информацию, должно означать, что они могут вступать в телепатический контакт и с самим Св. Духом.

* * *

Поскольку деривативы, торгуемые на биржах, обретают там меновую стоимость, то они превращаются в товар. Этот товар, однако, весьма специфический. На потребительском рынке торговец приобретает товары не для личного потребления, но для последующей их перепродажи. Хранящиеся у него товары являются его капиталом, дающим ему прибыль. Но это капитал вряд ли можно с полным основанием назвать частной собственностью на средства производства, разве что средством производства прибыли. Товар, пока он хранится на складе, не приносит торговцу никакой прибыли. Более того, это — одни убытки: торговец овощами, например, не может стать монополистом, без помощи сочувствующего ему государства. В этом смысле товар, принадлежащий купцу, не вполне принадлежит ему, он является еще и общенародной собственностью. В отличие от этого, уже владение акционерным капиталом приносит прибыль, и поэтому обладатель акций может хранить их неопределенно долго. Это, в свою очередь, означает, что акции являются идеальным объектом для спекулятивного накопления капитала. Бизнесменов, играющих на бирже, можно условно разделить на хороших и плохих. Первые приобретают на бирже информацию для «отваривания», т. е. инвестирования ее, вторые же — со спекулятивными целями. На самом же деле, все они, конечно, не подарок, и являются плохими лишь в большей или меньшей степени. Рынок ценных бумаг для своего функционирования отвлекает на себя определенную часть денежной массы. В настоящее же

время эта масса возросла настолько, что экономические кризисы капитализма переместились в финансовую сферу.

В ту эпоху, когда рынок ценных бумаг не играл особо важной роли, каждая компания копила, по большей части в банках, средства, необходимые для расширенного производства. В то время экономические кризисы имели вид кризисов перепроизводства, и эти кризисы стали особенно болезненными при становлении монополистического капитализма, когда «невидимая рука» работает из рук вон плохо. В последнем случае лучше видна финансовая сторона дела: промышленность не производит излишнее количество товаров, но рынку не хватает денежной массы и, следовательно, предложение превышает спрос. Никаких кризисов при этом не было, если бы цены на товары снижались так же легко, как они возрастают. И дело здесь не просто в алчности капиталистов. При избытке денег в конкурентной борьбе имеет преимущество тот монополист, который первым повысит цены на свои товары. При недостатке же денег монополист, первым снизивший цены на свою продукцию, наделяет преимуществом всех монополистов кроме себя. Золото плохой измеритель энергии, и при прогрессирующем производстве рынок товаров расширяется, денег оказывается недостаточно и спрос падает. Выравнивание же спроса и предложения выглядит как кризис перепроизводства. При этом производство замирает в состоянии депрессии, а скопившиеся товары капиталисты, со слезами на глазах, распродают по сниженным ценам.

Великая депрессия показала, что дальше так капитализм существовать не может, поскольку рынку потребовалось такое количество денег, которое не в силах была поставить золотодобывающая промышленность. Конечным результатом осуществления Рузвельтом программы Кейнса явилась монополия государства на выпуск необеспеченных товарно денег, что позволило ему осуществлять «ручное» управление спросом и предложением. При этом думалось, что найден волшебный механизм спасения капитализма,

при использовании которого экономические кризисы заменяются инфляцией. На самом деле Великая депрессия знаменовала собой приход «еще более новой» и «еще более последней» фазы капитализма, которую следует назвать *акционерным империализмом*.

Спекулятивный характер акционерного капитала приводит к тому, что деньги, вливаемые государством в экономику ради оживления спроса, прежде всего направляются для обслуживания рынка ценных бумаг, и этот рынок способен впитать в себя их неограниченное количество. Акционерный капитал, которым владеют биржевые воротилы, уже не может быть инвестирован в какое-либо производство, поскольку там просто нет проектов, требующих столь больших средств. Деньги, выделяемые банкам, для увеличения спроса, в меньшей степени даются в долг потребителям и, прежде всего, отправляются на биржу. Это ослабляет действенность кейнсианских механизмов регулирования спроса и предложения. Что касается банковского капитала, заключенного в дериваты, то он, в сущности, пропащий, его почти невозможно вывести из игры, и он сгорает во время взрыва очередного пузыря, наполненного лишь дезинформацией.

Лечение экономики вливанием в нее все большего количества бумажных денег является, в сущности, тушением огня при помощи масла. От правительств сейчас требуется гораздо большего вмешательства в экономику, чем это позволяет рычаг, регулирующий обороты печатного станка. Можно предложить, например, введение прогрессивного налога на владение акционерным капиталом — это равносильно ограничению ставок в азартной игре. Это, однако, требует от правительств ведущих экономических держав согласованных действий, т. е. ограничить власть глобализующейся экономики властью мондиалистской, что требует наделения саммитов на высшем уровне законодательной властью.

* * *

Современное состояние России очень напоминает то, в котором она находилась в преддверии Февральской революции, когда народные массы убедились, что царь уже не является их идеократическим лидером. Февральская буржуазная революция, предложившая, в сущности, жить русскому народу без «царя в голове», в принципе не могла быть победоносной. Спасли Россию большевики, предложив ей новое прочтение Русской идеи. Утрата духовного лидерства коммунистическими «царями» привела ко «второму Февралю», который был столь же обреченным, как и первый. Путинизм — это есть ничто иное, как попытка русского народа обрести новое духовное лидерство. То, что эта попытка оказалась заблуждением, с каждым днем делается все более очевидным, и мы находимся накануне третьего Февраля или, если угодно, второй перестройки.

Самым животрепещимся является сейчас вопрос о том, найдется кто-либо, кто спасет Россию от ужаса второй перестройки, или ей суждено погибнуть как неудачной попытке Астрала. Наблюдая нынешнюю духовную жизнь России, можно быть уверенным, что при приходе «истинной демократии» власть в стране достанется КПРФ. Вполне, однако, очевидно, что эта партия ни в коей мере не является коммунистической, но всего лишь бездуховно-социалистической. На выгоревшем дотла идеологическом поле России сейчас виден лишь один слабый стебелек — это движение, сверхмодернистов, возглавляемое С. Кургиняном. Однако этому движению суждено замкнуться в квазирелигиозную секту, если оно не наполнит Русскую идею конкретным содержанием, ясным видением того, что собой будет представлять СССР 2.0.

Для читающих эту брошюру должно быть уже ясно, что грядущее государство должно быть не эврикратическим, но всего лишь предельно демократическим. Гегемонию большинства в нем призвано обеспечить проповедуемое здесь прочтение Русской идеи. Социалистичность новой государственности, отличающая ее от всего извест-

ного истории, автор видит лишь в одном — в *полной* национализации банковского капитала. По существу, это и есть великая социалистическая революция, провозглашающая, что никто никому, кроме как государству, не обязан возвращать долги, что возвращение долгов частным лицам есть вопрос этики. Для осуществления этой революции пришедшим к власти коммунистам не потребуется разыскивать и расстреливать «проценщиков», для этого достаточно объявить государственный банк *беспроцентным*. Для того же чтобы этот банк не воспринимался как источник халявы, следует принять драконовские законы (вплоть до «долговой каторги») по отношению к неплательщикам, уклоняющимся от своего долга.

Обладая правом предоставлять кому-либо кредит или отказывать в нем, государство с легкостью могло бы загнать народ в артели. Такого коррупционнoемкого насилия, однако, совсем не требуется — государство должно предоставить право самодостаточному артельному укладу самому разбираться с капитализмом. Не владея «общенародной собственностью», коммунистическая экономика не может быть плановой в советском смысле, где слепые вели слепых. Экономические задачи общенародного характера это государство должно решать исключительно посредством государственных заказов. Только здесь государство может проявить симпатии к артельщикам, награждая их приоритетом в распределении своих заказов.

* * *

Истинное величие К. Маркса состоит в его пророчестве о том, что при коммунизме труд станет первой потребностью человека, и вполне понятно, что таким может быть только труд творческий. Любой творческий инсайт инспирирован астральными прогрессорами и предназначен не его получателю, но всему человечеству. По своей сущности истинно творческий процесс является совершенно бескорыстным — муки творчества оплачиваются торжеством, а не деньгами.

Единственное что нужно творцу — это слава, означающая, что его творение попало по назначению. Это только «там» *publicity is prosperity*. Спросите каждого русского, что ему ненавистно в современной России, и узнаете, что это то, что все продается, и нет ничего святого. Святым же, доступным торговле, является лишь божественная информация, даруемая поэтариям. Капитализм именно потому неприемлем русскими, что он торгует вдохновеньем. Люди коммунистического будущего сами найдут как расплачиваться с поэтариями, воспользовавшись подсказкой Маркса: от каждого по способностям — каждому по потребностям. Под потребностью здесь следует понимать не материальную потребность творца, но потребность каждого получателя творческого продукта премировать его создателя. Творческие достижения тем значительнее, чем больший кругозор творца, поэтому тяга к знаниям, характерная уже для советского народа, пышно расцветет в России коммунистической, и образование станет самой энергоемкой «отраслью производства». (Не надо только путать образованцев–когнитариев, этих «пролетариев умственного труда», с поэтариями.)

В коммунистическом обществе не должно быть никаких секретов, кроме, естественно, тех, что не должны знать граждане враждебных государств. Это, рано или поздно, приведет к отмене авторского права. Любое творческое достижение есть информация, и, поскольку интернет сейчас является глобальным информаторием, уже туда стекается вся интересная людям информация. Поэтому будущее государство не должно препятствовать хакерским сообществам разглашать информацию, предназначенную для извлечения прибыли. Излишне говорить, что это будет концом коммерческого, так сказать, искусства, что же касается истинных поэтариев, то нет такого кляпа, который заставил бы их замолчать.

В заключение этого параграфа нужно сказать, что стремлением к славе обладает и ворованная информация. Именно поэтому толстосумы норовят обессмертить свое имя разного рода благодеяниями. Той же цели служит окру-

жающая их роскошь, не имеющая никакой другой потребительной стоимости. При протестантском (не только буквально, но и по своей духовной сущности) мироощущении роскошь демонстрирует всему миру богоизбранность ее обладателя, видящего в Христе Плутоса. Именно это стремление быть как можно ближе к божественному Золотому Тельцу породило так называемое потребительское общество. Это, конечно, не означает, что коммунистическое общество будет сборищем аскетов, вслед за пушкинским книгопродавцем твердящих: «Что слава?— Яркая заплата на ветхом рубище певца». В продукции коммунистического производства будет, прежде всего, цениться ее функциональность (поскольку уже удобная постель повышает производительность труда), а также «ресурсность» и «ремонтность». Все это означает, что «догоним и перегоним по потреблению на душу населения» не может быть лозунгом коммунистов — богатым можно быть по-разному.

Мы и они

Голландский антрополог и философ Г. Хофштеде делит все народы на тех, что живут прошлым, настоящим и будущим. С другой стороны, он размещает эти народы вдоль условной шкалы женственность—мужественность. Поскольку народы, живущие настоящим, в соответствии с этой шкалой должны были бы получить не всем нравящееся название гермафродитных, то удобнее назвать эту характеристику народов спектральной, и приписывать разным народам цвета — от синего до красного. В спектральной окраске народов проявляется важнейший метафизический постулат — тринитарное устройство мироздания. В мироздании активность проявляют три прималитета: красный, зеленый и синий — мы будем называть эти прималитеты рубином, изумрудом и сапфиром. Сапфир — это символ смерти, это консервативное начало стремящееся остановить прогресс. В противоположность этому рубин является пассионарным

началом. Именно он получает из Астрала информацию, необходимую для эволюции той или иной формации; вместе с такого рода информацией рубин обретает и пассионарность, необходимую для материального воплощения этой информации. Рубин и сапфир, сами по себе, находятся между собой в чисто антагонистических отношениях — каждый из них стремится уничтожить соперника. Сапфир является редуктором — он стремится редуцировать неоднозначную информацию, которой обладает рубин. В этом смысле рубин можно назвать индуктором эволюционирующей формации — он поставляет информацию, необходимую для ее развития. Если его пассионарность не будет усмирена, то она способна взорвать соответствующую формацию. Если победу сапфира назвать механической смертью формации, то торжество рубина есть ее тепловая смерть. Если пользоваться терминологией Хофштеде, то женское начало стремится кастрировать потенцию начала мужского. Мужское же пытается пробудить страсть в изначально фригидном женском начале. Оружием рубина является энергия. Женское же оружие является чисто метафизическим — это то обладающая силой астральная приманка, которую называют эстетикой. Женское стремится очаровать своей красотой мужское. Если красота, по слову Достоевского, и спасет мир от мужского огня, то только для того, чтобы заморозить его. Мировое движение лишь потому не представляет собой бесконечный некрофилический акт, что взаимодействие сапфира и рубина всегда порождает изумруд, делающий их взаимоотношения амбивалентными.

В той метафизической дисциплине, что называется геополитикой, главный интерес представляет взаимодействие государств с рубиновым и изумрудным населением. Главное отличие изумрудных от рубиновых заключается в том, что первые являются индивидуалистами, а вторые — коллективистами. Это вполне понятно — этносы, живущие будущим, имеют объединяющую людей цель. Если же такой общенародной цели нет, то цель су-

ществования каждого человека лежит исключительно в нем самом, определяется его личными желаниями.

В изумрудном мире царит принцип *homo homini lupus est*. Жить совместно они могут только под ярмом закона; пока действует закон, воспрещающий взаимопоедание, представители изумрудных народов продолжают бороться друг с другом по правилам, характерным для азартных игр. Для изумрудов характерно увлечение торговлей, и для них естественным является демократическое государственное устройство, словом, это капиталистические народы. Другое дело, народы рубиновые. Для них естественнее монархическое устройство, а если оно демократическое, то властная иерархия все равно формируется не столько игровым, сколько идеологическим образом, и она, следовательно, легко бюрократизируется. Этносы, как любые живые существа борются друг с другом за власть. Эта борьба, в случае, когда сталкиваются изумруды и рубины обладает спецификой, описываемой геополитикой.

Геополитика делит все народы на континентальные и морские, и различие их объясняет отличием акватории от территории: лозунг геополитики — «ландшафт есть судьба». Однако здесь все поставлено с ног на голову, и, скорее, «судьба — это ландшафт», ибо судьба народов определяется их менталитетом. Будучи эгоистами, изумруды превыше всего ценят свою жизнь, и им трудно геройствовать на полях сражений. Это и есть причина того, что они могут сохраняться лишь в ландшафте, позволяющим легко защищаться, и защитой их, как правило, но не обязательно, служит море. Жизнь островных народов тесно связана с морем и, соответственно этому, они обладают преимуществом в морских сражениях. В военные же столкновения на суше изумруды вступают лишь тогда, когда ощущают свое явное превосходство, именно поэтому их заморская торговля всегда сочетается с пиратством.

Самые древние из известных нам изумрудных народов создали так называемую эгейскую цивилизацию,

распространившуюся с Кипра по всему Средиземноморью. Как пираты они известны континентальному Египту под названием «морских народов». В античное время главным морским народом были финикийцы (надо отметить, что все семиты Ближней Азии являются народами капиталистически зеленоватыми). Им противостоял героический Рим. В Элладе средоточием изумрудности были Афины, находящиеся в непрерывном противостоянии с предельно рубиновой Спартой. Ближе к новому времени центр изумрудности, сместился в Венецию, Геную и, вообще, в городах-государствах Северной Италии. Будучи слабо защищенным с суши, их владычество погибло под ударами Испании и Австрии. Далее изумрудный фокус сместился в Голландию, освободившуюся от испанского господства, но поскольку Голландия соседствует с рубиновой Германией, то сейчас он обосновался на Британских островах и в ее производной, Северной Америке. Менее изумрудными государствами Европы являются Франция и Португалия — эта континентальная ослабленность позволяет им как-то уживаться с рубиновыми соседями. С древнейших времен и до новейшей истории, от Крита и до Великобритании пиратство изумрудных проявлялось в колониализме. Другой отличительной чертой трусоватых изумрудов является использование наемных войск в военных операциях на континенте.

Метафизически различие окраски народов можно понять следующим образом. Прогрессоры образуют в своей совокупности астральный иерархический план, руководящий социальной эволюцией человечества (такого рода прогрессоры в эзотерике носят название *эгрегоров*). Все эти прогрессоры находятся между собой в неких амбивалентных отношениях, что позволяет им вести игру за власть, за торжество своего идейно-информационного содержания, и эта борьба отражается в амбивалентных же отношениях народов друг к другу. Изумрудные народы отличаются тем, что их *этнопсихеи* слабо эмпатированы с социогенетическим астральным уровнем, и их поступками в большей сте-

пени, чем это присуще рубинам, руководит биологический план Астрала, так сказать, животная душа социогенетического астрального уровня. В принципе, это означает, что важная для социальной эволюции информация поступает в человечество, прежде всего, через души рубиновых народов. Отсюда следует, что время изумрудов — это время относительно спокойного, градуального развития, а гегемония рубинов приходится на время эволюционных рывков, когда перед человечеством раскрывается содержание некоего нового астрального топуса. Высшие компоненты открывшегося эгрегора наименее понятны сознанию — они эмпатируют с тем уровнем наших биопсихей, что называют их духом. Когда этот дух активен, рубины превращаются в агрессоров по отношению к сапфирам, прежде всего. Чем выше духовность прогрессоров, тем большее число этносов подчиняется их руководству, но тем хуже люди понимают их руководящие императивы.

Духовных план социальных прогрессоров проникает в сознание людей в религиозной форме и лишь позже в более осмысленном облике, в виде философских учений. Что касается изумрудов, то они являются врожденными атеистами, при этом их атеизм может рядиться в религиозные одежды. По содержанию религиозно-философских взглядов тех или иных этносов можно смутно догадываться о сущности духовных эгрегоров соответствующих народов. Сущность былой испанской агрессивности достаточно хорошо выражает католическое вероучение: их прогрессоры видят бесконфликтное состояние человечества в том, что все люди в своих поступках будут руководствоваться едиными для всех этическими правилами. Отсюда можно вывести их стремление христианизировать на свой католический манер все человечество. Отсюда и завоевание Нидерландов, и Великая армада, от которой англичан спас тайфун (по-японски — священный ветер), и инквизиция, и кровавое крещение Америки.

Хотя К. Юнг и докопался до религиозного выражения немецкого духа, залившего кровью Европу в XX столетии, германским язычеством, его лучше выражает немецкая классическая философия и учение Ницше, в частности. Этот дух видит мир, управляемый волей героев. Если испанским раем управляет этика, то германским материалистическая энергия. Националистический характер немецкой агрессивности проистекает из того, что немцы единственно себя видят нацией героев. В этом кроется различие в содержании немецкой и испанской пассионарности — немцы никогда не стремились к духовному завоеванию соседей: если и происходило их онемечивание, то вопреки желаниям завоевателей. То, что «немецкая идея» была реализована державным Римом, указывает на то, что глубже германского духовного уровня находится нечто общее для всех индоевропейских народов, которое можно обнаружить сравнительным религиоведением. Представляется, что этим общим является особо близкая эмпатированность индоевропейских этнопсихей с неким высшим топосом Астрала. Это выражается, в частности, в том, что в индоевропейской мифологии люди довольно просто превращаются в бессмертных богов. В какой своей части население Олимпа обладает смертными прототипами, сейчас сказать невозможно, но фактом является то, что в христианстве праведники с легкостью отправляются на Небеса.

Общим же для испанской и германской агрессивностей является их особая направленность против изумрудного прималитета, и в частности, против тех домашних изумрудов, которых легко опознать, т. е. их антисемитизм. Идеологически обусловленная агрессивность ничем не лучше и не хуже агрессивности изумрудов. Если испанец может сказать своей жертве: я убью тебя, если ты не станешь христианином, а немец — если не будешь подчиняться дисциплине, то англосакс может сказать ей: ничего личного — это бизнес, а твой скальп стоит доллар. Если фашистские фанатики сжигали евреев, а испанские — еретиков, то на совести

изумрудов геноцид индейцев, бесконечные преступления в колониях, работорговля и рабовладение. Кто больше загубил беззащитных жертв, измерить невозможно.

Особая устойчивость цветовой характеристики этносов сближает ее с расовой. Различие же состоит в том, что расовые признаки определяются генетической наследственностью, а спектральные — сигнальной. Если, скажем, испанец попадает в англосаксонскую среду, то его потомки превращаются в англосаксов, и происходит это тем быстрее, чем меньше у него контактов с соплеменниками.

Русский эгрегор зародился в ту древнюю эпоху, неолита, когда произошло отделение кочевников от земледельцев, а может быть и еще раньше — когда охотники отделились от собирателей. Это означает, что нами движут прогрессоры чрезвычайно высокого иерархического уровня — можно сказать, что мы богоизбранный народ. С другой стороны, чем выше располагаются прогрессоры, тем менее понятны сознанию их распоряжения. Это противоречие решается тем, что Русская идея носит эсхатологический характер — ее смысл должен проясниться в конце истории. Эсхатологическая сущность нашего эгрегора прояснили русские визионеры, опознавшие в русском народе носителя до поры до времени не проясненной великой идеи, и предначертавшие ему роль Катехона, хранителя этой идеи.

Цель христианства заключается в проповеди этики, обеспечивающей людям загробное блаженство. Русская же православная церковь, будучи служанкой бюрократического государства, считает греховными мысли прихожан о совершенствовании государственной власти. Это выражается в том, что всякого рода хилиастические учения объявляются ею еретическими. Поскольку русское православие никак не отражает эсхатологии Русской идеи, то русские являются очень странными верующими — не все то, что церковь объявляет греховным, находится в соответствии с указаниями Русской идеи. Русский народ—богоносец является народом—грешником потому, что церковь и народная душа по-

разному понимают цели Всевышнего. В этой связи русских христиан не интересует то, чему учит церковь — она является для них просто символом их богоносности, для демонстрации же причастности Русской идее достаточно слепо исполнять предписываемые церковниками обряды. Именно по этой причине русский народ в годы советской власти с необыкновенной легкостью совершил «смертный грех» отпадения от церкви — он доверил свою душу новым водителям. Не должно особо радовать церковников и то, что сейчас наблюдается как бы возврат народа в лоно церкви. Все сказанное относится не только к РПЦ, ни к остальным конфессиям, существующим в России. Следует понимать, что под русскими автор понимает не этнических русских, но все народы, причастившиеся Русской идее, это тот, суперэтнос, который в минувшее время назывался советским народом.

Русские являются самым красным народом в мире, рубиновым светочем человечества. Соответственно этому они являются и самым коллективистским народом. Именно их коллективизм скрепляет великое государство, которое по всем причинам, доступным пониманию экономике, не должно существовать. Однако цвет народа является характеристикой, усредненной по всем его представителям, которые могут быть и более, и менее рубиновыми, при этом изумрудная составляющая народного спектра ощущается народным большинством как нечто инородное. Эту изумрудность можно, вслед за И. Шафаревичем, назвать малым народом, сами же они предпочитают называть себя успешными людьми, и их успешность измеряется толщиной кошелька. Их способность быть успешными проистекает из того, что для изумрудов нет ничего святого, и их совесть заглушает зов Меркурия — античной ипостаси Золотого Тельца.

Отличительные черты Гермеса–Меркурия — это хитрость, ловкость, способность быть проходимцем, коварство. Все эти «таланты» претят рубиновому менталитету русского народа. Хитрость — это умение выдавать личные интересы за объективную истину, и она присуща постмо-

дернистскому, релятивистскому сознанию, не считающему истину объективной сущностью. В античной древности относительность истины провозглашалась философским течением, называемым софизмом. Вполне естественно, что софисты вскоре перестали мудрствовать, и принялись за деньги обучать людей софистике, т. е. умению выдавать ложь за истину¹. Софисты обучали, в том числе, и ораторскому искусству, т. е. умению убеждать людей внушением. Софистика требует многословия, и поэтому русские подозрительно относятся к краснобайству, понимая, что истина не требует многих слов (так же относились и спартанцы к велеречивости афинских ораторов, предпочитая ей лаконичность). По этой причине русский народ, не умеющий выразить Русскую идею словами, представляет собой «молчаливое большинство».

С крушением коммунистической идеологии русский народ окончательно онемел. Теперь Русская идея проявляется лишь в менталитете русских: в их совестливости, альтруизме, неспособном лгать прямодушии. Все эти «варварские» черты народного сознания превратили Россию в «поле охоты»² для малого народа. Несут же свою добычу охотники, не чувствующие, что такое Родина, туда, где ее не смогут отнять «варвары». Изумрудное — это то, что хорошо плавает, поэтому они легко всплывали и при Советской власти. Именно малый народ ответственен за все раны, нанесенные советскому народу за годы кровавой охоты. Когда же перед ними открылось возможности более успешной охоты, они первыми начали сжигать свои партбилеты.

По вполне понятным причинам в малом народе этнические русские представляют собой относительное меньшинство. Кого только там нет: евреи, молдаване, кав-

---

¹ Характерно, что то, что для русских является постыдным, очень ценится зелеными: по-английски *sophisticated* — это лишенный простоты, естественности, варварской наивности; изощренный, утонченный.

² Если воспользоваться фразой Ходорковского.

казье и закавказье, западенские украинцы. Не теряется и дальнее зарубежье: в стране бизнесменствуют китайцы и корейцы, в розничной торговле орудуют вьетнамцы, приходят на охоту за российскими сокровищами и западные тираннозавры. Не удивительно поэтому, что во многих русских головах всечеловеческая Русская идея читается при помощи нацистского словаря.

Не стоит, конечно, думать, что при коммунизме изумрудный прималитет не будет проявлять какую-либо активность — в каждой эволюционирующей формации присутствуют все три драгоценности, и каждая из них борется за свою власть. Различается лишь оружие, которым они добиваются власти. При капитализме вся доступная для прогресса информация обретает материальный эквивалент в виде капитала, и то, каким способом он распределяется, между людьми, вызывает у рубинов, владеющих небесной информацией, негодующее его отрицание. В идеализированной схеме получающее астральную информацию рубиновое начало не обладает способностью непосредственно превращать эту информацию в соответствующее ей материальное преобразование эволюционирующей системы. С точки зрения эволюционирующей формации, не знающей как ей распорядиться соответствующей информацией, эта информация является *композиционной*, т. е. неоднозначной, нагруженной энтропией. Задача изумрудного прималитета состоит в по возможности в максимальном уменьшении энтропийности этой информации, сужая, тем самым, выбор сапфирового прималитета, редуцирующего обработанную изумрудами первичную информацию. Для изумрудной деятельности ее зеленые акторы пользуются своим аналитическим аппаратом, исключая заведомо неприемлемые для данной формации варианты ее развития. По этой причине изумруды обязаны быть, как минимум изобретательными и эрудированными. В том же случае, когда доступной информации недостаточно для логической обработки, в дело вступает *игра* за

обладание информацией, приносящей ее владельцу власть. Это особенно наглядно видно при рассмотрении капиталистической общественно-экономической формации, где ценность информация обретает денежное измерение. Рубиновому менталитету русских ненавистно то, что вся капиталистическая игра построена на обмане.

Во всех же других случаях деятельность изумрудных членов общества является вполне уважительной. При проектировании какой-либо продукции, например, рубиновое — это наука, изумрудное — изобретательство, а сапфировое — дизайн. Если рассмотреть государственное устройство, то рубиновое являет законодательная власть, изумрудное — власть исполнительная, а сапфировое — судебная. Если говорить об индивидууме, то рубиновое — это обладающая интуицией душа, поставляющая сознанию неоднозначную информацию и являющаяся источником пассионарности людей, изумрудное — это ум, анализирующий эту информацию и, говоря что лучше, а что хуже; он уменьшает количество энтропии в информации, навязываемой душой сознанию. Что касается изумрудного начала в человеке, то оно, пользуясь своим эстетическим критерием, окончательно редуцирует все еще композитную информацию, и человек совершает поступок. Капиталистическую экономику движет конкуренция, и, следовательно, рубиновым началом здесь являются капиталисты, а сапфировым — когнитарии, совершенствующие производство. В качестве же изумруда выступает потерявший революционность пролетариат. Он стремится отобрать у капиталистов всю прибавочную стоимость, необходимую для эволюции производства. Чем меньше у капитала информации, необходимой для экономического прогресса, тем больше энергии в виде материальных благ идет на потребление, и производство все больше работает само на себя.

Все прималитеты, содержащиеся в эволюционирующем сообществе стремятся к власти, и распределение власти между ними зависит от мощности информационного

потока поступающего в ту или иную формацию из Астрала. Капиталистическая общественно-экономическая формация возможна лишь при умеренном информационном потоке, т. е. тогда, когда исчезает власть революционных трибунов. Сейчас мы живем в эпоху, когда в борьбу за власть включилось сапфировое начало, видящее красоту в безконфликтном и мертвом кастовом мироустройстве. Предотвратить же кажущуюся неминуемой механическую смерть человечества могут только русские люди.